

Научная статья / Research Article

УДК 821.161.1.0

<https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-29-72>

<https://elibrary.ru/FZQILU>

This is an open access article
Distributed under the Creative Commons
Attribution-NoDerivatives 4.0 (CC BY-ND)

С.К. Севастьянова, П.А. Рылик, А.Г. Бондач
ПОРТРЕТ ПАТРИАРХА НИКОНА В КНИГЕ О СОБОРЕ
ГАЗСКОГО МИТРОПОЛИТА ПАИСИЯ ЛИГАРИДА

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-00153 «Сочинение Газского митрополита Паисия Лигарида о суде над патриархом Никон: перевод и исследование»

Аннотация: В статье анализируется составленный Газским митрополитом Паисием Лигаридом (1610–1678) ряд метафор и сравнений для характеристики внешности, духовного состояния и отдельных поступков Патриарха Никона (в 1652–1666, †1681). Впечатленный одним из прижизненных портретов Московского Первосвященителя, написанных немецким живописцем Иоганном Дитерсом (†1655) и передавших индивидуальные особенности внешности Никона — этнические, физические и физиологические, Лигарид создал «антипортрет» опального Патриарха. Подмеченные митрополитом портретные черты Никона обнажили, по словам полемиста, «зверообразную» внешность Патриарха и отразили субъективное негативное отношение Лигарида к персоне Первосвященителя. Сопоставления с эмпусой (ламией и мормоликой), каликандзаром, циклопом, древнегреческим гигантом, кентавром, эфальтом, Горгоной, побежденной Персеем, и тельхином позволили Лигариду нарисовать далекий от реальности образ Никона, визуализируемый каждым читателем по-своему — в меру начитанности и впечатлительности. В статье сделана попытка вписать гротескный облик Патриарха в традицию средневековой культуры. Высказано предположение об «антижитии» и портретном творчестве фламандского художника Квентина Массейса (1466–1530) как культурных параллелей художественной технике Лигарида. Описывая внешний вид Никона, Лигарид опирался и на «Физиогномику» Псевдо-Аристотеля. Однако ряд положений мыслителя о связи внешности человека с его моральными качествами получают у полемиста диаметрально противоположные трактовки. В приложении к статье впервые издается оригинальный текст части книги, посвященной портрету Патриарха Никона, и ее современный перевод на русский язык. Публикация сопровождается реальным комментарием.

Ключевые слова: Газский митрополит Паисий Лигарид, Патриарх Никон, Античность, Квентин Массейс, «Физиогномика» Псевдо-Аристотеля, «антипортрет», «антижитие».

Svetlana K. Sevastyanova, Polina A. Rylik, Albert G. Bondach
PORTRAIT OF PATRIARCH NICON IN THE SYNOD'S HISTORY
BY METROPOLITAN PAISIUS LIGARIDES OF GAZA

Acknowledgements: The article was completed with the support of the Russian Science Foundation project no. 22-28-00153 “Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides’ composition about the Patriarch Nikon’s trial: translation and research.”

Abstract: The article aims to analyze the metaphors and comparisons used by Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides to describe the appearance, spiritual state and certain deeds of Patriarch Nikon (1652–1666, †1681). Impressed by one of the portraits, painted by the German artist Johann Deters (†1655), depicting Moscow’s hierarchy’s appearance, ethnic, physical and physiological features, Ligarides created an “anti-portrait” of the disgraced Patriarch. Ligarides identifies some features which, according to him reveal the “beast-like” appearance of Patriarch thus, reflecting Ligarides’ subjective negative attitude towards Nikon. Comparisons with empusa (lamia and mormolyce), kallikantzaros, cyclops, centaur, ephialtes, and the Gorgon beheaded by Perseus and Telchin allowed Ligarides to draw an unreal image of Nikon and in a way that readers could visualize it in their own way based of their extent of erudition and impressionability. This study attempts to match the grotesque image of the Patriarch with the medieval culture tradition, assuming that “anti-hagiography” and portrait art of Flemish artist Quentin Masseys (1466–1530) have certain cultural parallels with Ligarides’ literary methods. Finally, in portraying Nikon’s appearance Paisius Ligarides appears to have been based on Pseudo-Aristotle’s *Physiognomy* although, Aristotle’s statements about the connection of appearance with moral qualities seem to be entirely misinterpreted. Also the original text of the part, devoted to portraiture of Nikon, as well as its contemporary translation into Russian will be published for the first time. The publication of the text is accompanied by factual commentary.

Keywords: Metropolitan of Gaza Paisius Ligarides, Patriarch Nikon, Antiquity, Quentin Masseys, *Physiognomy* by Pseudo-Aristotle, “anti-portrait,” “anti-hagiography.”

Патриарх Никон (1605–1681) — ключевая фигура в книге Газского митрополита Паисия Лигарида (1610–1678) о суде над опальным Московским Первосвятителем (далее — *Книга о соборе*). Главная цель этого программного для московского периода творчества Лигарида произведения — оправдать свое участие в церковном соборе, где 12 декабря

1666 г. Патриарху-грекофилу был вынесен приговор, лишивший его сана и отправивший простым монахом в ссылку в Ферапонтов Белозерский Богородице-Рождественский монастырь. Выгораживая и обеляя себя, полемист старался тщательно фиксировать детали происходящего, что придавало достоверность и четкую структурированность его повествованию. Однако субъективно-личностные оценки ряда событий и предвзятые характеристики поступков и высказываний Патриарха Никона, которыми наполнена *Книга о соборе*, дискредитировали и компрометировали Московского Первосвященителя в глазах современников. Ярким примером ироничной характеристики, унижающей Никона, может служить описание его внешности, создавая которое Лигарид использовал широкий ряд коммуникативных техник, речевых и образных средств, способствовавших визуализации вербальных характеристик, вызывавшей у читателя гамму эмоциональных реакций.

Нам уже приходилось обращаться к соответствующему разделу *Книги о соборе* в русском переводе XIX в., в котором Лигарид, по его словам, «красками нарисовал» портрет Патриарха Никона [18]. Однако краткость и избирательность переложения, обусловленные целью перевода — передать фактологическую сторону событий и избавить читателя от «многоглаголаній»¹ (термин Н.Ф. Каптерева) Лигарида, не позволили нам познакомиться с интереснейшим рядом типологических образов и контрастивных параллелей, выстроенных полемистом к отдельным чертам характера, внешнего вида и поступкам Патриарха — многие из них остались непереуежденными и неизвестными отечественному читателю. Обратившись к выполненному П.А. Рылик и отредактированному А.Г. Бондачем переводу вступительного раздела *Книги о соборе* с греческого языка на русский, мы решили вернуться к соответствующей части произведения Лигарида, чтобы оценить ее содержание в полном объеме. Текст источника и его современное переложение, снабженное реальным комментарием, помещены в приложении к статье.

До соборного суда над Патриархом Никоном Лигарид встречался с Московским Первосвященителем лишь однажды: в июле 1663 г., когда для допроса опального иерарха по доносу на него стольника Р.Ф. Боборыкина Газский митрополит в составе следственной комиссии посетил Воскресенский монастырь [37, с. 56, 61–69, 74–80, 613–634].

¹ Цитаты из печатных источников XIX в. воспроизводятся в орфографии оригинала.

Тогда на заговорившего по-латыни Паисия обрушился поток гневных возражений Никона, о чем Лигарид, пораженный такой эмоциональной реакцией оппонента, сначала рассказал царю Алексею Михайловичу, а потом вспоминал в *Книге о соборе*:

Прибыли утромъ, благословивши Государя, и радостно облобызали десницу его. Улыбнувшись мнѣ, сказалъ онъ: «Видѣль ты самъ Никона?», ибо онъ узналъ о распрѣ съ нимъ. А я отвѣчалъ: «Поистинѣ лучше было бы мнѣ никогда не видать такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, лишь бы не слышать его киклопскихъ криковъ и громкой болтовни» (цит. по: [53, л. 41 об.])².

Саркастические выпады Лигарида в адрес Никона характеризуют практически все упоминания о Патриархе в *Книге о соборе*. За сравнениями, тщательно подобранными, — скорее, личная неприязнь к Никону, а возможно, и страх — чувство, которое испытывали многие современники при общении с Московским Первосвятителем: достаточно взглянуть на воспоминания о Святейшем Антиохийском Патриархе Макарии, записанные его сыном Павлом Алеппским. Находясь в 1654–1656 гг. в России, часто бывая в сослужении с Никоном и одобряя стремление Московского Патриарха упорядочить церковный быт и обряды по греческим образцам, Макарий фиксировал и неоднозначную реакцию современников на отдельные деяния его брата во Христе, обладавшего строгим характером и жесткой, стремительно выражаемой реакцией на тех, кто противился реформам. Уже стали хрестоматийными слышанные очевидцами событий требования Никона от паствы строгой дисциплины во время богослужения, увиденные сцены наказаний нарушающих установленный порядок, запросы Никоном от бояр четких и правдивых отчетов о выполненных работах и финансовых тратах во время отсутствия в Москве царя — все это, несомненно, вызывало в слушателях, корреспондентах и ответчиках панические настроения и, говоря современным языком, чувство дискомфорта в общении. Потому нереальные и карикатурные портретные черты Никона, созданные Лигаридом с помощью обра-

² Здесь и далее фрагменты из указанной рукописи воспроизводятся в орфографии оригинала; ссылки на листы даются в скобках после цитаты.

щения к Античности — любимого литературного приема Газского митрополита, могли свести на нет возникший при визуальном и вербальном контакте с Московским Первосвятителем трепет перед ним, а у искушенного читателя вызвать довольную улыбку.

Внешность Никона Лигарид характеризует не с натуры, несомненно помня о встрече с ним летом 1663 г., а по двум живописным изображениям. Стоит заметить, что прижизненные парсунные образы Патриарха всегда отличались реалистичностью и фактурностью, детализацией и, как правило, точным соответствием оригиналу. Архимандрит Леонид (Кавелин), характеризуя прижизненные портреты Патриарха Никона, отмечал, что на парсуне «лицо Патріарха строгое, выразительное, съ печатью глубокой думы на челѣ вполне соотвѣтствуетъ тому, что намъ извѣстно объ его характерѣ»; на другом портрете, где Патриарх Никон изображен сидящим в кресле в простой монашеской одежде, внешний вид «Патріарха милостивѣе <...> но кисть мягче и отъ того черты кажутся моложе и яснѣе характеристичны, чѣмъ на картинѣ»; еще на одном портрете, где Никон написан стоящим в мантии, архимандрит Леонид отмечал «моложавость лица» Святейшего [12, с. 328, 329].

По наблюдениям Г.М. Зеленской, иконографически прижизненные изображения Патриарха Никона не повторяются, каждый раз они воспроизводились заново. Все его прижизненные изображения были связаны с конкретными событиями и являлись историческими свидетельствами, подобно лицевым летописям [7, с. 12]. Потому известные живописные изображения Никона далеки от идеализации его образа, напротив, содержат индивидуальные особенности его внешности: этнические (близко посаженные глаза, каштаново-рыжие волосы, особенная округлость лица — по национальности он мордвин), физические (высокий рост и крупные от природы части тела), физиологические — следы недугов, искаживших внешность (чуть одутловатое красного цвета лицо из-за рожистого поражения кожи). Помня об этой реалистичности прижизненных изображений Никона, обратимся к Лигариду:

Когда Никонъ былъ Патріархомъ, давалъ себя списывать въ великолѣпномъ видѣ, еще въ живыхъ сопричисляя себя къ святѣйшимъ іерархамъ. Даже и по патріаршествѣ своемъ заставлялъ живописцевъ писать себя въ

драгоценной діадемѣ, въ сопровожденіи сонма іеродіаконовъ, забывая, безобразный, что ближайшій къ ученію Платона философъ Плотинъ, имѣвшій лице пріятное, стыдился, чтобы его изображали живописно, считая это дѣломъ недостойнымъ философа. А онъ, наоборотъ, похожій на первобытное вещество, безкачественное и безобразное, по опредѣленію естествоиспытателей, украшалъ себя и ухорашивалъ [53, л. 4 об.].

Судя по цитате, Лигариду было известно прижизненное живописное изображение Патриарха Никона — единственное групповое, сделанное с натуры и запечатленное на сохранившейся до наших дней парсуне «Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря», хранящейся в Музейно-выставочном комплексе Московской области «Новый Иерусалим» (город Истра).

Потрясенный реалистичностью изображения, Лигарид попытался разрушить соответствие портретного образа Никона действительно сти и повлиять на его восприятие современниками. Он составляет вербальный портрет Никона не только далекий от реальности, но и искажающий замысел художника. Задавшись целью показать, что на парсуне Патриарх представлен совсем не тем, кто он есть на самом деле, Газский митрополит создает, можно сказать, словесный «антипортрет»³ опального Первосвященителя.

Характеризуя сюжет парсуны, Лигарид сообщает, что вокруг Никона «сонм иеродіаконовъ», вряд ли не узнавая слева от Патриарха монастырскую братию от архимандрита до чтеца. У того же, кто не знал парсуну, со слов Лигарида складывалось мнение, что Патриарх окружен иеродіаконами, символизирующими во время богослужения ангелов, подобно тому, как Спаситель изображается в окружении Сил небесных. Возможно, именно такого понимания Лигарид и добивался, когда подчеркивал, что Патриарх «еще въ живыхъ» сопричислял «себя къ святѣйшимъ іерархамъ». Следует заметить, что Патриарх

³ Данный термин в нашем употреблении не совпадает с устоявшимся понятием «антипортрет», используемым специалистами для средневековых живописных и скульптурных изображений, воспроизводящих не «реальные», а идеализированные портреты, обладающие высокой степенью «идеализации» — подробнее см.: [6]. В нашем случае вербальное описание внешности персоны нельзя назвать «идеализированным»: намеренно искаженные автором черты облика персонажа передают его отрицательные, греховные качества — именно такой интерпретации читателем словесного портрета Никона добивался Лигарид.

**Патриарх Никон с братией Воскресенского монастыря.
Мастера патриарших монастырей. Начало 1660-х гг.
Patriarch Nikon with the brethren of Resurrection Monastery.
Masters of Patriarchal monasteries. Early 1660s**

Никон знал о такого рода слухах о нем и, находясь после оставления первосвятительской кафедры в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, не выставял этот групповой портрет для обозрения, чтобы лишний раз не провоцировать злословников. Посетивший Никона в середине 1660-х гг. в Новом Иерусалиме иностранец Николаас Витсен записал в своем дневнике:

У этого человека нехорошие манеры, он опрометчив и тороплив, привык часто делать некрасивые жесты, опираясь на свой крест [крест на посохе]. Он крепкого телосложения, довольно высокого роста, у него красное и прыщавое лицо, ему 64 года. Любит испанское вино. Кстати или нет, часто повторяет слова: «Наши добрые дела». Он редко болеет, но перед грозой или ливнем чувствует себя вялым, а во время бури или дождя ему лучше. С тех пор как он уехал из Москвы, теперь уже 7–8 лет назад, его головы не касались ни гребенка, ни ножницы. Голова у него как у медузы, вся в густых, тяжелых космах, так же и борода [31, с. 181].

Необычная внешность Никона и ее неухоженность — показатель «простоты» Патриарха — не шокировали Витсена. Возможно, он уловил знаковость поведения иерарха, ориентировавшегося на высокие образцы, имена которых не раз озвучивал [19, с. 401, 597; 37, с. 495]. О парсуне с братией иностранец заметил: мол, Патриарх позволял создавать его портреты, но последний «теперь не смеет повесить... боясь клеветы, будто он возводит себя в сан святых» [31, с. 182, 186].

Другое замечание, о том, что Никон «украшалъ себя и ухорашивать», уже не в первый раз звучит из уст Лигарида. Отвечая на третий вопрос боярина Семена Лукьяновича Стрешнева «Подобает ли, егда облачается архиерей или іерей во святой церкви, і во олтари чешется, и на зеркало смотрится, в церкви суще во святомъ облаченіи? Понеже і Никон тое извѣчанье был чинит прежде литоргіи, как облачится во святыя ризы», Лигарид пояснял:

Не подобает убо в зеркало смотрится слугѣ Божію не токмо въ церкви Божіей а не і в кѣлиі, ино да уготовит себе страху Божію и да имат совѣсть свою чисту, яко нескверному зеркалу Божію. И патріарха в томъ не похваляемъ. І не подобает никому ревновать такового дѣла хотѣть. І аще чесался Никон, і в зеркало смотрился, лутче бы было, чтоб в своей кѣліи то чиниль [37, с. 522, 523].

А в 24-м ответе митрополит сравнил Никона с персонажем древнегреческого мифа — Нарциссом, чье имя уже в Античности стало символом самовлюбленности: юноша, как писал Лигарид, «в рѣчной водѣ кристалной посматривал свое лице. І, увидя свое лице, чаючи, что не ево, приклонился, хотя цѣловать. І как приклонился сверхъ potreby, утонул» [37, с. 542].

Основываясь на библейском понимании зеркального отражения как образа и подобия Божия, Лигарид сводит поведение Патриарха Никона к греховному самолюбованию. Митрополит противопоставляет естественную, житейскую потребность Московского Перво-святителя поправить перед зеркалом изъязны во внешнем виде (что делали и предшественники Никона⁴) и символическое понимание ал-

⁴ Путешествуя по России, Антиохийский Патриарх Макарий при посещении Киево-Печерского монастыря и Коломны видел в алтарях по одному-два зеркала, к которым священники, как отмечал в своих записях его сын, архидиакон Павел

таря, храма и всей духовной жизни христианина как зеркала Божьего, в которое он, внимая священное слово, «смотрится» и обретает внутри себя и Царство Божие, и грехи, и ошибки, и недостатки. Напомним, что на осудившем Патриарха Никона соборе 1666–1667 гг. было принято правило, запрещающее зеркала в алтаре [36, л. 14 об.].

Для дальнейшего описания внешности Никона характерна именно такая, дискредитирующая его позиция Лигарида. Особенно ярко и последовательно она выражена в характеристике второго прижизненного портрета Никона — в полный рост со свитком.

Патриарх Никон. Художник Иоганн Дитерс. Около 1655 г.
Patriarch Nikon. Artist Johann Deters. Ca. 1655

Прежде чѣмъ увидаль я пресловутаго Никона, чрезвычайно любопытствовалъ своими глазами насладиться его образомъ и искалъ увидать его, хотя въ обманчивомъ портретѣ. И какъ увидаль портретъ его, написанный однимъ отличнымъ нѣмецкимъ художникомъ Іоанномъ, // пріятелемъ моимъ, — пребылъ нѣмъ, подумалъ, что вижу исполина или киклопа, почелъ счастливыми слѣпорожденныхъ за то, что не могутъ видѣть тако-го звѣребразнаго человѣка. Если бы кто-нибудь вдругъ увидѣлъ Никона, ему почудилось бы, что видитъ волка дикаго [53, л. 4 об. – 5].

Алеппский, без стеснения подходят, смотрятся, «охорашиваются» и причесывают волосы [43, с. 52, 147, 166].

«Одного отличного немецкого художника Иоанна» архимандрит Леонид (Кавелин) отождествил с «царским живописцем Немцем Иоанном Дитерсом» [1, с. 393] — этого мастера искусствоведы считают причастным к написанию как минимум двух портретов Патриарха Никона [15, с. 90–91]. Подчеркнутая реалистичность изображения не понравилась Лигариду — он назвал его «обманчивым». Свое негативное отношение к образу Патриарха Никона митрополит выразил необычным способом: расцветил новыми красками «антипортрет» Никона, найдя в Античности специфические сравнения. В кратком русском переводе читаем: взглянув на полотно с величественной фигурой Патриарха Никона, Лигарид «онемел и потерял голос», и в его голове возникли ассоциации с мифологическими персонажами; перевод П.А. Рылик позволяет выстроить их полный ряд. Тщательно подобранные сопоставления, заимствованные автором из разных областей знания и форм представления о мире — мифологии, фольклора, философии, помогли создать далекий от реальности, гротескный образ Никона, визуализируемый каждым читателем по-своему, в меру начитанности и впечатлительности.

Прижизненный портрет Патриарха Никона кисти Дитерса, который видел Лигарид, был едва ли не первым собственно европейским живописным произведением в этом жанре на русской почве. После XVII в. изображение Московского Первосвященника многократно воспроизводили, меняя цвет одежды и фон [1, с. 334]. Сегодня подлинник находится в Государственной Третьяковской галерее (№ 1394). Архимандрит Леонид (Кавелин) поместил этот портрет в экспозицию Ново-Иерусалимского монастырского музея и впервые подробно охарактеризовал: «Древнейший портрет Святейшаго Патриарха Никона во весь рост, в патриаршей мантии зеленого бархата, на источниках которой вышиты Св[ятые] изображения жемчугом и шелками; клобук белый тоже украшен шитьем из жемчуга, с крестом вверху; в правой руке держит жезл с водруженным поверх его 6-тиконечным крестом, на коем изображено Распятие Господне, в левой [руке] — хартия со словами “Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на Тебе возсия”. <...> Оный портрет в деревянной окрашенной под орех раме. Мерою в вышину 2 3/4 арш[ина], ширину 1 арш[ин] 6-ть вершков» [1, с. 393]. Датировка отца Леонида этого изображения временем до 1658 г. — «до переселения Патриарха из Москвы в Вос-

кресенский монастырь» сегодня уточнена и отнесена ко времени до 1655 г. — даты смерти «жалованного живописца» Оружейной палаты Иоанна Дитерса [16].

На портрете почти двухметровой высоты и метровой ширины Патриарх Никон предстает человеком высокого роста и крепкого телосложения. Поэтому ряд подобий, выстроенный Лигаридом, заполнили образы античной культуры — существа, отличающиеся громадным размером, недюжинной силой и — ко всему прочему — отвратительным характером, который, как считал Лигарид, отразился на неприглядной внешности Московского Патриарха. Вот этот ряд: эмпуса (ламия, мормолика), каликандзар, циклоп («один из всем известных» — Полифем), древнегреческий гигант, кентавр, эфийлы, Горгона, побежденная Персеем, и тельхин. Заметим: Лигарид лишь называет их и почти никак не характеризует, вероятно понимая, что заказчику его произведения — начитанному и образованному царю Алексею Михайловичу и греческим Патриархам, адресатам *Книги о соборе* — именованная образа вполне достаточно, чтобы необычный союз фантастических и чудовищных фольклорных и мифологических «героев» воспроизвел в воображении читателя гротескный облик опального Патриарха и, по замыслу Лигарида, доказал его «звѣреобразность». Перейдем к характеристике подобранных митрополитом подобий.

В греческой мифологии эмпуса — это чудовище женского рода, мерзкое и ужасное, с ослиными ногами [42, т. 2, с. 661]. Уточняя, что у разных мифографов эмпусы именуются ламиями и мормоликами, многие из которых, как известно, в более позднее время стали частью мирового фольклора и низшей мифологии Европы [28], Лигарид намеренно расширяет круг ночных существ, соблазняющих и пожирающих людей [39, с. 29], чем сильнее поражает читателя. Из существовавших в античной литературе полярных описаний облика эмпус — от ужасного, в свите богини Гекаты (Эмпусы, «изменявшей свой вид на тысячу ладов», подобно египтянину Протею, обладавшему способностью «всячески изменять свой облик») [41, с. 32, ст. 19], до смешного (призрак с пылающим жаром лицом и разными ногами — медной и «навозной») [29, с. 637–638, 285–297] — митрополит подразумевает, конечно, первый, рассчитывая, что упоминание об этом чудовище заставит впечатлительного читателя испугаться.

Каликандзары — календарные существа новогреческого фольклора, обязанные своим происхождением древнегреческой мифологии и традиции; они, как правило, мужского пола, покрыты черной шерстью и обладают зооморфными чертами — козлиными рогами, ушами, копытами. Живут под землей и в человеческий мир выходят на Святки, когда вредят людям, пакостят в домах, пугают детей и воруют сладости, которыми обожают лакомиться. Ворование в каликандзаров, «нечистую силу» из низшей мифологии, до сих пор широко распространено в Греции. Каликандзары чем-то напоминали отдельных сезонных персонажей славянской мифологии, становящихся особенно активными в праздничные периоды [3]. Представление о внешнем виде каликандзаров варьируется в зависимости от региона Греции. Чаще всего это карликовое безобразное существо, намного реже их представляют чудовищами огромного роста с короткими взъерошенными волосами, тогда как везде сохраняется общая особенность — уродливость и устрашающий вид. Примечательно, что в XVII в. Лигарид, имевший происхождение с Хиоса, где под влиянием славянской традиции вполне могли ассоциировать каликандзара с вурдалаком [27, р. 21–26], представлял каликандзара именно существом огромного размера, чтобы читатель, проведя заданную автором параллель, мог наверняка ощутить страх и неприязнь от сопоставления зооморфного гиганта с Никоном.

Древнерусский книжник, знакомый с античными мифами по Хроникам Амартола и Малалы, служившим источниками сведений об олимпийских богах и их потомках [20], несмотря на избирательность легендарного материала, имел представление о циклопах, которые описывались как страшные и дикие, «с душою надменною», не слишком умные великаны с одним глазом [32, с. 32, 149–150]. В состав хронографических сборников входили познавательные и иллюстрированные статьи о «дивииих людях», «едино токмо око в челѣ имѣ имѣти» [30, с. 266, 310]. Московской элите XVII в. были доступны переводы гомеровских текстов с латинского и польского языков. Впечатлительный читатель мог помнить слова, характеризующие физическую мощь Полифема и подчеркивающие его коварство и жестокость. В переводе В.А. Жуковского Одиссей называет циклопа «беспощадным», «злочестивцем», «вечно голодным» «зверем», чей «голос гремющий и образ чудовища» приводят «в трепет» [33, с. 525, 520], — не повторяет

ли Лигарид в рассказе царю о встрече с Никоном эту характеристику одноглазого монстра?

Гиганты — великаны из древнегреческой мифологии, чудища с телом человека до пояса и змеиными (драконовыми) хвостами вместо ног, с косматыми головами и бородами [42, т. 1, с. 301]. Сюжеты о гигантомахии были чрезвычайно популярными в античной литературе и искусстве. Гомер, например, упоминал о гигантском сказочном народе, живущем буйными племенами [42, т. 1, с. 302]. Самый известный из дошедших до нас памятников на тему борьбы богов с гигантами, о котором, как утверждают библейские комментаторы, упоминается в Откровении Иоанна Богослова (2: 12–13) [45, с. 525–526], — большой фриз алтаря Зевса в Пергаме, созданный в эпоху позднего эллинизма (II в. до н. э.). Сравнение Никона с этими исполинскими чудовищами, воинственными и агрессивными, не могло не изумить читателя, как и сопоставление с кентавром — греческим мифическим существом с головой и торсом человека на теле лошади. Эти монстры отличались не только диким нравом, но и плотской невоздержанностью [42, т. 1, с. 638–639]. Следует заметить, что русскому книжнику они были хорошо известны с XIV в. не только по апокрифическим сказаниям о Соломоне и Китоврасе, образцы иконографии которого, продолжая античную традицию, представляли Китовраса могучим крылатым получеловеком с короной на голове [38, с. 163], но и по многочисленным спискам Физиолога, где в специальной статье кентавр, или китоврас, характеризовался как животное, которое «от среды верха есть яко человекъ со главою и лицемъ и власы, кромѣ брады <...>. От среды же додолу яко осель совершенъ», или «кони человекъи головы», или «от пояса конь» [30, с. 135, 141, 192–193].

Эфиальт — имя ночного демона, «в сновидениях нападающего, ужасного именем, а на деле еще ужаснее» — так характеризует этого низшего духа сам Лигарид. В «Инфернальном словаре» Жака Огюста Симона Коллена де Планси (1794–1881), составившего классификацию жителей ада на основе другой оккультной книги — «Иерархии демонов» (1588) голландского и немецкого врача Иоганна Вейера (1515–1588), Эфиальт назван удушающим демоном-инкубом [48, р. 241]. Злое существо, превращающее сон древних греков и европейских современников Лигарида в кошмар, было знакомо и славянам, но под именем Мара. Ночной призрак женского пола и внеш-

ности усаживался на грудь спящего человека и вызывал дурные сны [40]. Чтобы усилить параллель между Никонем и этим душащим людей демоном, Лигарид заверял читателя в том, что созерцание изображения Патриарха — «огромного мужа, способного вола запрячь в ярмо, приложив его лоб к земле», доводит визионера до обморочного состояния.

Взгляд же самого Никона страшен и подобен взору Медузы Горгоны, превращающей посмотревших на нее в камень. Медуза — пожалуй, самое известное в греческой мифологии чудовище, с женским лицом и шевелящимися змеями вместо волос, упоминаемое многими древними мифографами и часто воспроизводимое в западноевропейской живописи и скульптуре, было хорошо знакомо славянам еще с XI в. [10, с. 100]. Защитные изображения девы со змеиными волосами, именуемой «дна», изображены на русских, восходящих к византийским источникам, медальонах-змеевиках [14, с. 29-48, 75]. Знатные особы и простолюдины поклонялись змееволосому существу вплоть до XV-XVI вв. и наряду с христианскими символами использовали его лик в богослужении [13]. В лубочной живописи сюжеты с изображением Медузы-Мелузины — мифического чудовища в виде полуженщины-полузмеи (или полурыбы) — встречаются до XVIII в. [30, с. 175]. По мнению ряда ученых, прототипом «дны» мог быть образ Горгоны; по другой точке зрения, изображение на амулетах персонифицировало некоего злого демона, чей иконографический тип восходит к иным культурным традициям [9].

Тема зверообразного демона продолжена Лигаридом в сопоставлении Патриарха Никона с другими мифическими персонажами, не имеющими человеческих конечностей, — тельхинами. Эти подводные собакоголовые и ласторукие чародеи и маги [34, с. 122] губили животных и растения, одурманивали и очаровывали людей, затемняя их сознание [42, т. 2, с. 499]. Сравнивая Никона с одним из кошмарных тельхинов, Лигарид видит в нем дикого и свирепого волка (вероятно, по аналогии с собачьей головой тельхина), одного из самых мифологизированных образов средневековой культуры [35, с. 122-159], и называет чернокнижником, «околдовывающим все без различия» и «умерщвляющим подходящих к нему».

Совершенно очевидно, что весь этот микс мерзких и кошмарных демонических существ, составленный Лигаридом при созерцании

портрета Никона, невозможно визуализировать однозначно и представить статичной композицией: благодаря эрудиции и эмоциональной восприимчивости у читателя создавался свой, индивидуальный образ Патриарха — подвижный, многогранный, мимикрирующий. Не случайно ряд жутких подобию открывается эмпусой, «изменявшей свой вид на тысячу ладов», и заканчивается существами со змеевидными телами. Все упомянутые персонажи с чертами людей обоих полов и животных, мифических и inferнальных существ, несомненно, рассматривались в Средние века и современниками Лигарида как представители темных сил. Добиваясь восприятия образа Никона как существа с демоническим началом, Лигарид ориентировал словесный «антипортрет» Патриарха на определенного читателя. Кому в России были известны все эти эмпусы и мормолики, тельхины и эфяльты, горгоны и каликандзары? Конечно, грекам — в первую очередь восточным патриархам, присутствовавшим на суде, для которых *Книга о соборе* служила оправданием поведения Лигарида на соборе (ведь на Христианском Востоке приговор Патриарху-грекофилу был воспринят неоднозначно), во вторую — грекам-переводчикам, служившим в Посольском приказе и наверняка помогавшим русским коллегам перелагать архаичный греческий язык *Книги о соборе* для русского царя. Полагаем, что многие демонические и мифические образы после общения с Лигаридом стали понятны и заказчику *Книги* — царю Алексею Михайловичу. (Заметим, что интеллектуальная пытливость государя часто удовлетворялась Газским митрополитом, который устно и письменно разъяснял русскому правителю многие незнакомые ему образы из древних источников, о чем, например, свидетельствует недавно опубликованный Н.П. Чесноковой документ, в котором Лигарид, отвечая на вопрос Алексея Михайловича о русом царе и русом народе, дает подробное разъяснение [26].) Греков и русскую элиту, знакомую с древними нарративами и античными образами, перечисленные сущности не столько пугали, сколько удивляли, эмоционально-чувственно поражали и убеждали в том, что Московский Первосвятитель был носителем греха, нарушителем христианских заповедей, церковных правил и морально-этических норм. Очевидно, что типологические параллели тщательно подбирались Лигаридом таким образом, чтобы персонифицировать тот или иной порок и привести в ужас впечатлительного современника.

Предвзятое отношение Лигарида к персоне Патриарха Никона, выраженное через негативную оценку его словесного портрета, нашло отражение и в именовании Никона «первовеществом». Учение о «первобытном веществе», о котором упоминает Лигарид, отправляет к понятиям и терминам, характеризующим первоначало. Не вдаваясь в подробности античных теорий об изначальной сущности, заметим, что в философии перипатетиков эта субстанция не обладает никакими определенными качествами [8]. Согласно учениям пифагорейцев, первовеществу свойственно бесформенное начало, которое с противоположным ему «пределом» становится основой всего существующего [46, с. 81–82]. Платон, развивая эти идеи, трактует первовещество как бесконечную массу материи, находящуюся в вечном беспорядочном движении, не имеющую подлинного бытия и колеблющуюся между противоположностями [11]. Судя по приведенным тезисам, под «бескачественным и безобразным» первовеществом, скорее всего, понимаемым Лигаридом в русле пифагорейцев как физическое существо, наш автор подразумевал бесформенность, неопределенность и противоположности. Именно эти свойства субстанции в метафорическом смысле митрополит проецировал на портретные черты Никона и на саму персону Патриарха.

Обращаясь к вопросу о культурных параллелях к созданному Лигаридом «антипортрету» Никона, мы бы упомянули две. Одна — литературная: «антижитие». В рамках этого жанра в средневековой христианской культуре сформировалась традиция создания образов «антигероев» [4]. Исследуя особенности повествования об отрицательных персонажах в древнерусской литературе, Л.А. Черная указала на ключевые элементы жанра «антижития»: «происходить от гнилого родового корня»; имитировать «уход из мира»; под личиной «боголюбия» скрывать свое безбожие; обладать порочными чертами характера; заключить договор с дьяволом и поклоняться ему; вместо чудес, присущих святым, совершать злодеяния; после смерти от его могилы должен исходить смрад [25]. Следует заметить, что с середины XVII в. в старообрядческой среде активно формировался легендарный материал, положенный пустозерскими узниками — бывшими единомышленниками Никона, не принявшими церковных реформ, в основу «антижития» Патриарха Никона. Все

эти источники подробно исследованы и изданы Н.Ю. Бубновым⁵ и Л.В. Титовой [21; 22; 24].

У нас нет доказательств того, что Лигарид знал старообрядческие легенды о Никоне-антихристе и «богоотступнике» — несмотря на то, что предложенные Лигаридом мифические и инфернальные параллели складываются в змееподобный образ, обольщающий и душаший, — одно из самых популярных вербальных и графических изображений Никона-змия в старообрядческой среде. В непринятии многих поступков и создании порочной характеристики Патриарха Лигарид смыкался с идейными противниками Московского Первосвященника — подобно тому, как и один из старообрядческих лидеров инок Авраамий, приняв сторону Лигарида и разделив с ним негативное отношение к Патриарху Никону, включил в свой сборник «Христианоопасный щит веры» почти все ответы Газского митрополита на вопросы боярина С.Л. Стрешнева, дав этому полемическому вопросу-ответному тексту особую рукописную традицию [5].

Но среди современников Никона накануне суда над ним оставалось еще много сочувствующих ему людей — от самого царя Алексея Михайловича и его сестры Татьяны Михайловны до простых монахов — русских и иностранцев, которыми Патриарх заселил основанные им монастыри. Возможно, именно им принадлежит недавно переизданное Л.В. Титовой сочинение под названием «Похвала Святейшему Патриарху Никону», где анонимный автор, возвышая святителя, сравнивает его с Богом и наделяет массой добродетелей, называя «трудолюбивым», «великим» и «достохвальным», «преизыщшим» и «пресвятейщим архиереем» [23]. Задача дискредитации и обесчестивания Никона выполнялась Лигаридом с использованием тех же литературных приемов, к которым прибегали и древнерусские книжники: указание на имя или объект в истории, вызывающее ассоциации событий современных с давно минувшими. Проекции сознания на носителей знаковых имен и объектов складывались в объемный, отрицательно многогранный, гротескный и уродливый образ Никона.

Вторая культурная параллель к словесному портрету Никона — изобразительная, имеющая западноевропейские корни. Речь идет

⁵ Назовем недавнюю статью Николая Юрьевича, в которой указаны его исследования и публикации источников об «антижитии» Патриарха Никона: [2].

о картине современника Леонардо да Винчи фламандского художника Квентина Массейса (1466–1530) «Уродливая герцогиня» (ок. 1513). Существуют разные мнения относительно сюжета: одно склоняется к изображению на картине реального человека — Маргарет, графини Тироля (1318–1369), страдавшей болезнью Педжета⁶; другое говорит о метафорическом образе, ее «антипортрете». Массейс изобразил беззубую старуху с впалыми губами и выраженными звериными чертами: большие оттопыренные уши и маленькие глазки, тяжелый подбородок и старческие бородавки, четко выписанные линии крашенных рыжих, убранных начесом волос и почти бесцветных выпавших бровей, сильно увеличенное расстояние между носом и верхней губой и почти сглаженный губной желобок, короткие ноздри с волосатыми пустулами и глубокие, изрезавшие лицо морщины — перечисленные детали сближают внешность модели с обликом примата. Нечеловеческому облику, дополненному сгорбленностью плеч, сморщенностью груди и шеи, противопоставлен изящный аристократический наряд, детально выписанный художником: золотые кольца и брошь с жемчугом и бриллиантами, треугольный корсет с нежной молочной фатой, изысканная вышивка на манжете платья — элементы костюма, подчеркивающие цветущий возраст, характерны больше для молоденьких модниц, чем для пожилых дам. Молодость и желание выражает бутон розы, который сжимает в старческой руке графиня, предназначенный, вероятно, для дарения партнеру. В этом жесте и во всем облике модели можно увидеть сатиру на похоть пребывающих в преклонном возрасте дам [17]. Тема внешнего уродства как отражения порочной внутренней сущности отработана и Лигаридом на словесном портрете Патриарха Никона. Для ее большего раскрытия полемист привлек еще и физиогномический метод, отличающийся обобщением и типизацией.

В XVII в. в Западной Европе искусство «чтения» лиц получило вторую жизнь и через столетие даже претендовало на статус науки. Обратившись к трактату Псевдо-Аристотеля под названием «Физиогномика» и учению о внутренней красоте неоплатоника Плотина, Лигарид характеризует фигуру Патриарха, останавливаясь на описании его головы, лица, шеи, плеч, груди, спины и рук, которые, по Псевдо-

⁶ Болезнь Педжета — хроническое заболевание костной ткани, ведущее к разрушению костного ремоделирования и деформации костей.

Аристотелю, чаще всего имеют «соответствия душевной деятельности». Но псевдо-аристотелевские «признаки» получили у Лигарида противоположные значения и стали иллюстрацией карикатурного образа Московского Патриарха. Так, высокий рост, по Псевдо-Аристотелю, есть свидетельство кротости и скромности, у Лигарида же — «безразсудности»; прямая и плотная шея, по Псевдо-Аристотелю, демонстрирует силу духа и бесстрашие, по Лигариду — «надменность и злость»; «отпущенная борода», по Псевдо-Аристотелю, сигнализирует о суровом характере, у Лигарида — это признак «безпечности, несправедливости»; широкие плечи и грудь связываются Аристотелем с силой души и твердым характером, благородством и мужественностью, а Лигаридом — с тупостью и малодушием, и т. д. Из схематических типологических групп, разработанных древнегреческим мыслителем, Лигарид выбирает, как правило, те элементы, которые помогают ему нарисовать портрет Никона, обладающий подчеркнутыми неприятными свойствами, отрицательными качествами характера и визуальной неприглядностью. Лигарид показывает, что внешность Никона есть отражение его духовной непривлекательности и низких моральных качеств [18].

Газский митрополит, отнесший себя к тем «немногим», кто способен «обнаружить» «скрытые» «физиогномические признаки», уверенно демонстрирует европейскую образованность и эрудицию, обладание разносторонними познаниями о человеке и владение великолепным индивидуальным стилем. Создавая гротескный и уродливый «антипортрет» Патриарха Никона, Лигарид органично сочетает в повествовании заимствования из античной культуры и словесности со знаниями о современных ему естественнонаучных достижениях. Мастерски владея имеющимся у него инструментарием, из всего информационного потока Газский митрополит выбирает те факты и известия, которые могут привлечь и заинтересовать такого читателя, кто по достоинству оценит его творчество и талант незаурядного писателя.

Исследование С.К. Севастьяновой

Текст главы, посвященной портрету Патриарха Никона, издается по рукописи из библиотеки Румынской академии [54], по заключению Б.Л. Фонкича, отличающейся высоким профессионализмом исполнения.

(Л. 5 об.) Τύπος εἰκονικός, χαρακτηρίζων τὸν πατριάρχην Νίκωνα κατὰ φυσιογνωμοσύνην καὶ ἀνθρωπομόρφωσιν, διηκριβωμένην πᾶσι τοῖς ἐντευζομένοις προβάλλεται εἰς θεωρίαν καὶ παρεξέλεγχον

Ἐπειδὴ περ ἡ ἱστορία ζωγραφία σιγῶσα οὕσα διατελεῖ καὶ ἡ ζωγραφία ἐναλλάξ ἱστορία χρηματίζει λαλοῦσα, φέρε δὴ φέρε σκιαγραφήσαντες τὸν ποτὲ πατριάρχην Νίκωνα, μικρὸν ὅσον ἐν εἰκόνι τοῦτον αὐτὸν παραδειγματίσωμεν τοῖς μεθ' ἡμᾶς, ὥς πέρ τινα στηλογραφίαν ἐγκαταλείψαντες. Καὶ γὰρ ἡνίκα ἐπατριάρχευεν ὅλον ἑαυτὸν παρεδίδου ταῖς εὐπρεπέσι γραφαῖς, τοῖς ἀγιωτάτοις ἱεράρχαις ζῶν ἔτι συναριθμούμενος. Καὶ γε μὴν μετὰ τὴν αὐτοῦ προσέτι πατριαρχίαν, χερσὶ ζωγράφων ὁλοσχερῶς παρέσχευ ἑαυτὸν πολυτίμῳ διαδήματι ἐστεμμένον, κύκλωθεν ὑποδιακόνων χοροῖς καὶ ἱεροδιακόνων φάλαγγι πανταχόθεν δορυφορούμενον, μηδόλως ὑπενθυμούμενος ὁ ἀνείδεος καὶ ἀπρόσωπος, ὅτι Πλωτίνος ὁ πλατωνικώτατος φιλόσοφος καίτοι εὐειδὲς κεκτημένος τὸ πρόσωπον, τό τε εἶδος ἀμώμητον, ἑαυτὸν ὁμως ταῖς γραφαῖς παραδοῦναι ἠσχύνετο, ἀνάξιον ἔργον τουτὶ φιλοσόφου εἶναι ἡγούμενος. Αὐτὸς δέ, ὁ καὶ τῇ πρωτογόνῳ ὕλῃ ἀμυγέπη προσεοικώς, ἦν οἱ φυσικοὶ διορίζοντες φάσκουσιν, ἅποιον ὑπάρχειν, ἀμορφον, ἀσχημάτιστον, ἐπεγάννυτο συγχρωματίζεσθαι καὶ διαποικίλλεσθαι, οὐ περ ἡ θέα μόνη καὶ ἡ ἰδέα τῶν ἀπροσίτων Ἐμπουσῶν (ἃς Λαμίας τε καὶ Μορμολυκίας οἱ πλείους τῶν μυθογράφων προσαγορεύουσιν) ἀειδεστέρα καὶ ἀμορφοτέρα ἐμπέφυκεν οὕσα τὸ σύνολον.

Κᾶψαγε μέντοι, νῆ τὴν φίλην ἀλήθειαν, πρὸ τοῦ ἰδεῖν τὸν περιβόητον Νίκωνα, λίαν ἤμην περίεργος αὐτοψεῖ τῆς ἐκείνου μορφῆς ἐντρυφῆσαι, ὅθεν κοιμίδῃ ὑπεζήτουν, κἄν ἐν παραγωγῇ εἰκόνι, ἐντυχεῖν κατ' ὄψιν τῷ Νίκωνι. Καὶ δήπου μετὰ χρόνον πολὺν ἐπέτυχον // (λ. 6) τῆς πεποθημένης ἐφέσεως: καὶ γὰρ τις γραφεὺς ἄριστος Γερμανὸς τὸ γένος, Ἰωάννης τὸ ὄνομα, συνήθης ἐμοί, τῆς τοσαύτης ἐπιθυμίας τὴν δῖψαν μεμαθηκώς, ἦκε προσκομίζων μοι τοῦ Νίκωνος τὸν μέγαν εἰκονισμόν, ὥς δὲ εἶδον ἀκριβῶς καὶ τεθέσμαι, ἐννεὸς ἐγενόμην καὶ ἄφωνος, Καλικάντζαρον τῷ ὄντι ὦμην ὀρᾶν, ἢ ἔνια τῶν περιθρυλλουμένων Κυκλώπων, Πιγάντων, Ἰπποκενταύρων τε, ἢ Ἐφιάλτην καὶ ἐν φάσμασιν ἐφαλλόμενον, φοβερὸν τῇ κλήσει, τῇ δὲ πράξει φοβερώτερον. Μετ' ὀλίγον δὲ ἀναρρώσθεις, ἤδη τὸ τοῦ Νόννου ἡμιστίχιον ἐξεφώνησα: «Ὁφθαλμοί, τί τὸ θαῦμα». Καὶ γε ἡρξάμην μακαρίζειν τοὺς ἀομμάτους καὶ τοὺς φύσει τυφλοὺς ἀξιομακαρίστους ἐνόμιζον, ὥς ἀδυνατοῦν θεάσασθαι τοιοῦτον ἄνδρα τεράστιον, θηροζυγοκαμπιμέτωπον. Καὶ Περσεὺς μὲν ἐκεῖνος ὁ ταῖς Γοργόσι γοργῶς μαχεσάμενος καὶ τὴν

Μέδουσαν τὴν ἀπολιθοῦσαν ἀπαξάπαντας τοὺς εἰς αὐτὴν ἀτενίζοντας, τῷ κατόπτρῳ ἑαυτὸν ἐπικρῦψας εἰς τὸ μηδόλως ὀραῖσθαι, καὶ τὸ λογχοδρέπανον μεταχειρισάμενος, τὴν τ' ἐκείνης κεφαλὴν διαχειρισάμενος, ἀσινὴς καὶ ἀλώβητος διεσώθη παντάπασι. Ὁ δὲ γε τὸν Νίκωνα αἰφνίδιον ὀπτανόμενος, ὡς εἰς λύκον ἄγριον ἀπιδῶν ἐκινδύνευε καὶ εἰς βαρχυνᾶν ἤδη ἐμπέπτωκε: βασκαίνει γὰρ ὁ τοιοῦτος πᾶσιν ἀδιαφόρως, μονονοῦκ ταῖς φάσεσι καίνων τοὺς προσιόντας, ὡς βάσκανος, τῷ φθονερῷ αὐτοῦ καὶ βλοσυρῷ βλέμματι, ὡς περ πνιγαλίων Τελχίν ἐπερχόμενος.

Ὁ δὲ ζωγράφος προσμειδιάσας «καὶ τί μοι ἐπιδώσεις;» — εἶρηκεν. «Ὡν αὐτὸς ἐγὼ τὰ τῆς εἰκόνης δηλώσω μυστήρια-μυθήρια» — ἦν ἐγὼ — «Ἀποκαλύψεις μοι, ὦ γαθέ, δηλώσεις γάρ, ὑπονοῶ, τὰ τῆς φυσιογνωμοσύνης γνωρίσματα, τὰ παρ' ἐμοὶ δοκοῦντα καὶ ὄντα, ἐπισφαλῇ καὶ ἀπίθανα, ὡς δῆθεν πεπηγότα μόνῃ ἐπ' αὐτῷ τῷ τεκμαίρεσθαι, χρήματι πάντῃ σφαλερῷ καὶ τεχνάσματι ἄγαν ἐπικινδύνῃ τε καὶ ἀπηληθίῳ. Οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ ἐγχειρήματι καὶ ἀπηχήματι πόρρῳ τῆς Θείας αὐλῆς ἀπεσχοινισμένῳ καὶ κοινῇ παρὰ τῶν εὐαγεστάτων πατέρων ἀπηγορευμένῳ καὶ ἀπεψηφισμένῳ;».

Κἀκεῖνος ἀντέφημοι ἀπειπάμενος, ὡς λιαν ἀφιλοσοφῆτως λελάληκας καὶ ὡς εἰς τῶν ἀπὸ τριόδου καὶ τῇ ἐναύλῳ χυδαιότητι ἐνειλούμενος ἀπεφθέγξω. Καὶ γὰρ ἀψευδὴς ἡ παροιμία ἢ λέγουσα: «Μάντις γ' ἄριστος, ὅστις εἰκάζει καλῶς». Ἵνα δέσμοι παρήσω τὰ τοῦ Ὁμήρου διαφόρως σχηματίσαντος εἰκάσματά τε καὶ εἰκονίσματα (καὶ γὰρ ἐν τῷ τρίτῳ τῆς Ὀδυσσεΐας τοῦ Θερσίτου περὶ τοιαῦτα ἐμελῶδησε:

καὶ τόν τοι αὐτὸς μυθήσομαι, οἷος ἔην περ
γυρὸς ἐν ὤμοισι, μελανόχροος, οὐλοκάρηνος.

Κἂν τῷ θ' τῆς Ἰλιάδος περὶ Ἑκτορος:

Γοργοὺς ὄμματ' ἔχων, ἠδὲ βροτολοιγοῦ Ἄρης).

Τὰ τοῦ σοῦ Θεολόγου Γρηγορίου φυσιογνωμονίας εἰκάσματα, τὰ ἐστοχασμένα ποτὲ κατὰ τοῦ παραβάτου Ἰουλιανοῦ, ἥκιστα παρασιωπήσομαι. Γράφει γὰρ οὗτος ἐν τῷ β' αὐτοῦ στηλιτευτικῷ λόγῳ ταῦτα δὴ κατὰ λέξιν: «Τότε τοίνυν οὐ φαῦλος ἐγὼ τοῦ ἀνδρὸς εἰκα // (π. 6 ὀβ.) στῆς οἶδα γενόμενος, καίτοι γε οὐ τῶν εὐ πεφυκότων περὶ ταῦτα εἰς ὦν. Ἄλλ' ἐποίει με μαντικὸν ἢ τοῦ ἥθους ἀνομαλία, καὶ τὸ περιττὸν τῆς ἐκστάσεως: εἴπερ μάντις ἄριστος, ὅστις εἰκάζειν οἶδε καλῶς. Οὐδενὸς γὰρ ἐδόκει μοι σημεῖον εἶναι χρηστοῦ αὐχὴν ἀπαγῆς, ὥμοι παλλόμενοι καὶ ἀνασηκούμενοι, ὀφθαλμοὶ σοβούμενοι καὶ περιφερόμενοι, καὶ μανικὸν βλέπων, πόδες ἀστατοῦντες καὶ μετοκλάζοντες, μυκτὴρ ὕβριν πνέων καὶ περιφρόνησιν, προσώπων σχηματισμοὶ καταγέλαστοι, τὸ αὐτὸ φέροντες, γέλωτες ἀκρατεῖς τε καὶ

βρασματώδεις, νεύσεις καὶ ἀνανεύσεις σὺν οὐδενὶ λόγῳ, λόγος ἰστάμενος καὶ κοπτόμενος πνεύματι, ἐρωτήσεις ἄτακτοι καὶ ἀσύνετοι, ἀποκρίσεις οὐδὲν τούτων ἀμείνους, ἀλλήλαις ἐπεμβαίνουσαι καὶ οὐκ εὐσταθεῖς, οὐδὲ τάξει προϊῶσαι παιδεύσεως. Τί ἂν τὰ καθέκαστον γράφοιμι; Τοῦτον πρὸ τῶν ἔργων ἐθεασάμην, ὃν καὶ ἐπὶ τῶν ἔργων ἐγνώρισα. Καὶ εἴ μοι παρήσαν τινες τῶν τηνικαῦτα συνόντων καὶ ἀκουσάντων, οὐ χαλεπῶς ἂν ἐμαρτύρησαν, οἷς ἐπειδὴ ταῦτα ἐθεασάμην, εὐθύς ἐφθεγξάμην, οἷον κακὸν ἢ ῥωμαίων τρέφει, καὶ προαγορεύσας, καὶ γενέσθαι ψευδόμαντις ἐμαυτοῦ κατευξάμενος».

Οὐκ ἔστιν ἄρα, οὐκ ἔστι τὸ φυσιολογεῖν καὶ φυσιογνωμονεῖν κομψευομένων σοφιστῶν δαιδάλματα, οὐδ' ἔντεχνα μεθοδευόντων ῥητόρων στωμύλματα. Πλάτων γὰρ ὁ θαυμάσιος ἐν τοῖς αὐτοῦ Πολιτικοῖς ἔφατο: «τέτταρα εἶναι τὰ γιγνόμενα ἐν τῇ ψυχῇ παθήματα: νόησιν μὲν ἐπὶ τῷ ἀνωτάτῳ μέρει, διάνοιαν δὲ ἐπὶ τῷ β^ο, τῷ γ^ο τὴν πίστιν ἀποδίδωσι καὶ τὴν εἰκασίαν τῷ τελευταίῳ». Οὐκ ἀπαναίνομαι τοῖνυν, εἰκαστικὴν εἶναι τέχνην τὴν φυσιογνωμονίαν, διὰ τὸ μὴ ἔχειν ἀναγκαίαν ἀπόδειξιν, μόνον εἰκασμὸν τινα καὶ στοχασμὸν μετὰ εἰκότος τινὸς ἐκτελούμενον.

Ἐώρακέ τις φυσιογνώμων Ζώπυρος τὸ ὄνομα τὸν Σωφρονίσκου Σωκράτην καὶ παραχρῆμα ἐβόησε: «Βαβαί, ὅπως οὗτος ὁ ἀνὴρ κατωφερῆς λίαν ἐμπέφυκεν, εἰς τὰ σωματικά πάθη ῥέπων καὶ καταπρηνῆς εἰς τὰ ἀφροδίσια!». Ἐπιγελόντων δὲ τῶν μαθητῶν ἐπὶ τῇ ἀπαγγελίᾳ καὶ καγχάζοντων ἐπὶ τῇ ἐκείνου προῤῥήσει, ὡς ἀσυνέτῳ καὶ ἀπαισίῳ, ἐπιστὰς ὁ καθηγητὴς ἐπῆνεσε τὸν φυσιολόγον, εἰπών: «Τοιοῦτος ὢν πέφυκα πρὸ τοῦ φιλοσοφῆσαι με, ὦ παῖδες, ἀτὰρ ἡ φιλοσοφία τὸ κατὰ φύσιν μου ὑπερφυῶς ἐθεράπευσε καὶ ἀγωνισαμένη ἐπερῥύθμισεν ὑπὲρ ἄνθρωπον, ὥσπερ ἄρκτος φιλόπαις τὴν ἄμορφόν μου ψυχὴν εἰδοποίησας καὶ μορφώσασα».

Ἔστι γε μὴν ἡ φύσις ἀείλαλος ἡχῶ καὶ φωνῇ ἀσίγητος τοῦ τῶν ὄλων Θεοῦ, ἥτις ἐν ἐκάστῳ ποιήματι ἀναβοῶσα περιηχεῖ, ἐν μὲν τοῖς φυτοῖς, τὸ βλαστησάτω ἢ γῇ, ἐν δὲ τοῖς ζώοις, τὸ αὐξάνεσθε καὶ πληθύνεσθε. Καὶ αὕτη μὲν ἡ φύσις παρὰ γε τοῖς ποιηταῖς φημίζεται Πασιφάη, παρὰ δὲ τοῖς φιλοσόφοις, ἀρχὴ τῆς ἐνδιαθέτου κλίσεως, αἰτία τῆς ἐνδομύχου καταφορᾶς καὶ ροπῆς διορίζεται, παρὰ δὲ τοῖς ἔξω Βαρβάροις καὶ μὴ Ἑλλήσι, θυγάτηρ καὶ πάρεδρος τοῦ Δημιουργοῦ, καὶ ψυχὴ τοῦ σύμπαντος κόσμου, καὶ ἀρμονία πεφυσιολόγηται. Καὶ οὐκ ἀπαικίτως, καθάπερ τοῖνυν ἐν τῷ μεγάλῳ κόσμῳ, τῷ οὐρανῷ, ἔθετο εἰς σημεῖα τὰ ἄστρα ὁ Πλαστοργός, παρα // (λ. 7) πλησίως ἐν τῷ μικρῷ κόσμῳ, τῷ ἀνθρώπῳ, τὰ ἀσαφεῖ καὶ κρύφια τῆς φυσιογνωμοσύνης γνωρίσματα, ἐλεγχόμενα ἐνεχάραξε διατυπωσάμενος ὁ

Ποιητής τῆς ὁρατῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως. Ἐνθετοὶ καὶ ἡ φυσιογνωμικὴ ἀνθρωπομόρφωσις καὶ ἡ μαθηματικὴ ἀνθρωπολογία σκινδαλαβίζει τὰ κατάλληλα σημεῖα τοῦ σώματος, ἐμφανῇ καὶ ἀφανῇ, κατ' εἶδος καὶ κατὰ μέρος, καθὲν ἕκαστον καὶ ἐν ἀτόμῳ, καὶ οὐκ ἐξεπιπολῆς ταῦτα ἐξιχνιάζουσα, γενικῶς ἔτι καὶ καθόλου ἐξακριβοῦσα καὶ εἰδικῶς ἐρευνῶσα τὸ ποσὸν τοῦ σώματος, ἢ μέγα τὸ μικρόν, ἢ βραχὺ τὸ μέγεθος, τὸ ποιὸν αὐτό, ἢ λευκόχρως ὁ φυσιολογούμενος πέφυκεν, ἢ ἀνάπαλιν μελανόχρως, ποταπὸν τὸ σχῆμα τῶν μελῶν, τῆς ὄψεως ἢ μορφῇ, ὁ ἦχος τῆς λαλιᾶς, ὁ φθόγγος τῆς προφορᾶς καὶ συνελόντι φᾶναι, τὰ περιστατικὰ πάντα καὶ ὅσα εἰς ἰδιοσυγκρασίαν, συμπάθειάν τε καὶ ἀντιπάθειαν συντελοῦσιν ἢ καὶ συντείνουσιν, ἀναγόμενα πρὸς τὴν ὁλοσχερεστέραν [κρᾶσιν] τοῦ σώματος.

Τούτων οὕτω πεφοιμασμένων καὶ προεγνωσμένων, ἄθρει μοι πρὸς Χαρίτων τὴν τοῦ Νίκωνος κεφαλὴν, ὅπως παμμεγίστη διατελεῖ καὶ παχύδερμος. Ἐπιγράψειεν ἄν τις καὶ ἀραρότως, τὸ οἶα κεφαλὴ καὶ ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει. Τοιοῦτοι γὰρ τυγχάνουσιν ἀνούστατοί τε καὶ ἀμαθέστατοι, ὅσοι φαίνονται εἶναι μεγαλοκέφαλοι καὶ μεγαλομελέστεροι. Θεῷ μοι καὶ τὴν κόμην αὐτοῦ, ὅπως μελαίνεται, ὥσει κόρακος ἢ χαίτη καὶ τοῦ σῶτος, καὶ οἶον οἱ ποιηταὶ πλάττουσι, μελαγχαίτην Ποσειδῶνα προσαγορεύοντες. Ὅρα δέ μοι τὸ πρόσωπον αὐτοῦ, ὅπως ἡγρίωται, ὥς ὁ τίγρις καὶ ὥς ἡ ἄρκτος τεθρίωται, διὸ καὶ «δριμεῖα χολὴ ποτὶ ῥινὶ κάθηται», ἥπερ ἦσε κατὰ τοῦ Πανὸς ὁ Συρακούσιος ποιητῆς ὁ Θεόκριτος, δεικνὺς τὸ ὀξύχολον. Πλὴν ἐπειδὴ ὁ σὸς Ἀριστοτέλης διδάσκει, τοῦ μὴ ἐπὶ ἐνὶ θαρρῆν καὶ πιστεύειν μέλει καὶ μέρει τοῦ σώματος, ἀλλὰ σκοπεῖν ἅπαντα, ἢ τὰ πλείω καὶ κυριώτερα, ἐξ ὧν γνωρίζεται ὅλον τηλαυγῶς τὸ σύστημά τε καὶ σύγκραμα, ἴδε μοι τὰ σημεῖα τῶν ἀνωτάτων τούτων μερῶν, ὥς πεφυκότα τῶν ἄλλων πολλῶ βεβαιότερα καὶ ἀληθινώτερα. Σκόπει τοιγαροῦν, ὥς τις μετωποσκόπος τὸ αὐτοῦ μέτωπον (καὶ γὰρ ἡ μετωποσκοπία ζωγραφία τις εἶναι δοκεῖ, μάλιστα ἐπιτομὴ ἔοικε πάσης τῆς ὄψεως, ἐν ἣ καὶ καθίδρυσται τῆς αἰδοῦς ἢ καθέδρα, τῶν ψυχικῶν παθημάτων τὸ ἔσοπτρον), ὅπως ἐστένυνται ῥυτιδούμενον καὶ ῥικνούμενον πῶς συνέσφικται: τῆς ἄκρας ἀπονοίας ὑπόδειγμα καὶ ἀμυθήτου ὑπονοίας ἐπίβλημα. Καὶ εἰ ἔχεις, ἐπαρίθμει σὺ αὐτὸς τὰς ῥυτίδας, εἴπω τοῦ μετώπου, ἢ τὰς λοξευούσας περὶ τοῦτο γραμμάς;

Ἡ μὴν δύο κρίνεται μέρη τῶν ἄλλων βασιλικώτερα: ὁ ἐγκέφαλος δηλονότι, τὸ ἐγκάρδιον ὄργανον τοῦ εὖ φρονούντος ἀνθρώπου καὶ ἡ καρδία τοῦ ἐμφύτου θερμοῦ ἢ πηγῇ, τοῦ στομάχου ἢ πύλῃ, τῆς κοιλίας τὸ στόμα, δι' ἧς ὁ πνεύμων ἐμπύχεται καὶ χορηγεῖται ἡμῖν τὸ ἐκπνεῖν καὶ εἰσπνεῖν. Ἄλλ' ἡ καρδία τοῦ Νίκωνος ἀπωτέρω ἦν πάσης εὐθύτητος, μάλλον δὲ εἰ-

πεῖν, καὶ ἐλεημοσύνης, ἥτις καρδία τῆς ἀρετῆς εἶναι λέγεται παρὰ τῷ λογιστάτῳ Σουΐδα, καὶ πάσης πορρώτέρῳ φιλανθρώπου καὶ καρδιακῆς διαθέσεως ἀπωκισμένη, ὁ δ' ἐγ' // (π. 7 σβ.) κέφαλος αὐτοῦ Αἰτναῖον μᾶλλον πῦρ ἀπέπεμπεν, ἢ ῥῆμα ἐκ βάθους βύσσινον ἀναμοχλεύων, ἠκόντιζεν εἰς χρηστότητα.

Ἰθὶ νῦν καὶ ἀπαναίνου μὴ ἀληθεύειν τὸ φυσιογνωμονεῖν, ὅπου καὶ τὸ μῆκος τοῦ σώματος τρέχον παραπολύ, τὸ μωρὸν καὶ ἀνόητον ἐκείνου σφόδρα παρίστησι. Λέγεται γάρ, ὅσον ἔνι τὸ διάστημα ἐκ τῆς καρδίας πρὸς τὸν ἐγκέφαλον, τοσοῦτον καὶ τὸ ζωτικὸν πνεῦμα, ἥτουν δύναμις ζωτικῇ, ἀπὸ καρδίας ἀναπηγάζουσα καὶ ὁρμωμένη, ῥᾶστα εἰς τὸν σύνεγγυς ἐγκέφαλον ἀνατρέχει, ἀναπληροῦν τοῦ σώματος τὴν ἔνδειαν, τῆς φύσεως τὸ ἐλάττωμα. Ἐνθεντοὖν περιτεθρύλλεται, ὡς πᾶς μεγαλοπρόσωπος – ἄφρων, αἱματοπότης, ἀναιδής, κακοήθης, φιλόνεικος, καθότι τὸ ἀνθρώπειον πρόσωπον τῆς ἀθανάτου ψυχῆς καθέστηκε κάτοπτρον. Καθάπερ ἀμέλει καὶ ὁ τοῦ σώματος λύχνος ὁ ὀφθαλμὸς χαρακτήρ ἐνυπάρχει τῆς διανοίας καὶ ἀκηλίδωτον ἔσοπτρον τῆς φαύλης, ἢ χρηστῆς τοῦ ἀνδρὸς διαθέσεως. Ἀποδέδεικται ἄρα καὶ τῆς μετωποσκοπίας, ὅτι φύσει ἀναιδεΐας γέμει καὶ ἀβελτηρίας ἀνάπλεως. Καὶ παρρησιάζεται ὁμοίως ἀπὸ τῶν γοργῶν αὐτοῦ ὀφθαλμῶν, τῶν πᾶσαν ὅτι οὖν χαρακτηρίζοντων θρασύτητα, ἢ ἐπίμεμπτος δολιότης καὶ ἐπιλήψιμος ἐκείνου ἀναιδεΐα. Διδάσκουσι γὰρ οἱ περὶ τὴν ὀπτικήν μέθοδον ἔμπειροι, ὡς οἱ μικρόφθαλμοι ὀξύτερον βλέπουσιν, ἤπερ οἱ μεγάλφθαλμοι, ἔνθεν τοι καὶ συμπεραίνουσιν, ἥττον ὁρᾶν τὸν μέγαν τοῦ βοδὸς ὀφθαλμὸν καὶ τοῦ ταύρου, ἢ τὸ μικρότατον ὄμμα τῆς πέρδικος καὶ τῆς ἀχόλου περιστερᾶς. Ἐκτείνουσι δὲ τοῦτο τὸ φιλοσόφημα εἰς τὴν ὄρασιν, τόσον τὴν γινομένην κατ' ἐκπομπήν, ὡς βούλεται Πλάτων καὶ Γαληνός, ὅτι τὴν κατ' εἰσπομπήν, ὡς διίσχυρίζεται ὁ Σταγειρίτης φιλόσοφος διὰ τὸ ἀξίωμα ἐκεῖνο, τὸ λέγειν δύναμις ἐνουμένη μεγεθύνεται καὶ αὐξάνεται καὶ ἀνδρίζεται, ἔνθεν τοι καὶ ἄδεται, ὡς ῥωμαλαῖόν τι φρόνημα μικρῷ ἐν σώματι κεῖται, διὰ τὸ ἐνωτικὸν δηλαδὴ τῆς δυνάμεως. Μικρὸς μὲν ἦν τὸ σῶμα ὁ Αἴας, πλὴν ἀλλὰ μαχητῆς, μικρὸς δ' ὁ Ἀχιλλεύς, ἀλλὰ γε ἄριστος ἄνα πάντας τοὺς Ἕλληνας.

Τί χρὴ καὶ ἀνιχνεύειν τὰ ἥττω μέρη τοῦ σώματος καὐτὰ δὴ τὰ λεγόμενα περιττώματα; Ὅφρυνες δηλονότι ἐκτεταμέναι εἰς ὕψος, ἡθῶν παριστάσεις δεινότητα καὶ τραχύτητα, μοχθηρῶν τε τρόπων ὑποσημαινούσες πεισμονὴν καὶ εὐστάθειαν. Τί δεῖ καὶ λεπτολογεῖν περὶ τὰ μακρὰ βλέφαρα, τὰ τὴν περιττὴν ἀναισχυντίαν ὑποτυποῦντα καὶ τὴν ἄκραν ἐν τῷ λέγειν βαττολογίαν καὶ φλυαρίαν ἐμφαίνοντα; Ἡ περὶ τὰ ὤτα τοῖς τοῦ Μίδου παραπλήσια,

τῆς πικρᾶς προσαγγελίας τὰ κράτιστα ὄργανα; Ἡ περὶ τοὺς ἀνεωγμένους μυκτῆρας ὅλην τὴν δύστροπον ὑπουλότητα καὶ τὴν ἐσχηματισμένην ὑπόκρισιν ἐνεργῶς χαρακτηρίζοντας; Τὸ περιεργάζεσθαι τοὺς ὀξεῖς καὶ ὀδωδότας ὀδόντας τὸ παράπαν κυνικοὺς τῆς θηριωδείας τοὺς κήρυκας καὶ τῆς ἀπληστίας ἐκφάντορας; Τί δαὶ ὁ ἀλεκτόριος καὶ ὄρθριος τράχηλος, οὐκ ἔστιν ἀτεχνῶς ὑπουργὸς λαίμαργίας; Τί δαὶ καὶ ὁ μαλθακευόμενος ἐν χαυνότητι τένων; Οὐκ ἔστι τῆς βλακειᾶς προάγγελος; Ναὶ καὶ ὁ αὐχὴν ὁ παχύς, τῆς μεγαλουχίας ἐπέοικε μηνυτῆς, οὐ μὴν δὲ ἀλλὰ τὸ ὀργίλον παρίστησι, τὸ παροξύνον καὶ παροξίζον ἐνδείκνυσι. Φάραγξ τῶν βρωμάτων ἐπικληθεὶς ὁ φάρυγξ αὐτοῦ καὶ ὁ φαινόμενος λάρυγξ τοῦ λάρου λαρώτερος ἔκφανσιν ποιεῖται τῆς αὐστηρότητος, καθάπερ καὶ ὁ ὑφειμένος καὶ μέγα πῶγων αὐτοῦ ἐργάτης τῆς ἀκηδίας γνωρίζεται, γνώμων τῆς ἀδικίας ἐκθεατρίζεται. Ὅμοιως καὶ ὁ προτείνων ὑποῤῥίνιος μύσταξ τὴν οἰκείαν ἀβουλίαν καὶ τὴν παχεῖαν ἄγνοιαν ἐμφανίζεται. Ἄλλ', ὦ ἀχανὲς στόμα καὶ ἀχάλινον καὶ ἀπύλωτον, σοὶ γὰρ ὡς ζῶντι προσφέγγομαι, τὸ σκαιὸν καὶ πανοῦργον, τὸ πάσης ῥαδιουργίας μεστὸν καὶ παντοίας στρεψοραδιουργίας ἀνάπλεων, ὡς μηδέποτε λαλήσαν εὖστομα, μόνον δὲ ὁ, τὶ ἂν ἐπέλθῃ φλυαρήσαν κατὰ τὸν εἰπόντα ἐπὶ γλῶτταν ἀκαιρίμην, τὸ μηδέποτε κρῖναν τὰ δέοντα καὶ μὴ διακρίναν τὰ χρήσιμα. Ὡ γλῶσσα, γλωσσαλγίας μαθήτρια, ὑπηρέτις ἀργολογίας, ὁδηγήτρια βλασφημίας, σκευωρίας μεσίτρια, ἕως πότε καταστρηνιάσεις ἡμῶν, κατασοβαρευομένη ἀπέναντι πάντων τῶν ἱεροκηρύκων, τῶν ὑπὸ σοῦ μυρίαις ταῖς ἐπινοίαις κατεστρατηγημένων τε καὶ κατεστραμμένων ἀπονενημένως, σὺ πεφυκυῖα ὑποβάθρα τῶν ὑποβολιμαίων δεινῶν καὶ κακῶν;

Τίς ἐξείποι λογοστροφῶν τὰ ἐπίλοιπα μέλη τοῦ σώματος; Ἐπαινῶ λίαν τοὺς ἐφους ζωγράφους τῶν ἱερῶν μορφωμάτων, οἳ τινες ἕως λαγόνων τὰ εἰκονίσματα γράφειν εἰώθασι, σεμνοπρεπῶς φρονοῦντες καὶ πράττοντες. Τοὺς τοιοῦτους τοίνυν γραφεῖς κἀγὼ μιμησάμενος οὐ φυσιολογήσω τὰ κρύφια καὶ ἀπόρρητα, διὰ τὸ αἰδέσιμον καὶ σεβάσιμον, ἀλλ' ἵνα μήτις καὶ εἴποι: «Διὰ τοῦτο ἔασαι ἡμᾶς τὰ ἐπίλοιπα τῶν μελῶν, ὡς σημεία καλοκαγαθίας καὶ εὐφυΐας τεκμήρια», φέρε εἵπωμεν καὶ διὰ τὸ εὐρύχωρον στῆθος, τὸ χαρακτηρίζον κουφότητα καὶ ἡλιθιότητα, διὰ καὶ τὸ κυρτὸν αὐτοῦ μετὰ φρενον, ὅπως γέμει πανουργίας καὶ ὑπουλότητος.

Ὡ πλατεῖς ὦμοι τοῦ Νίκωνος, δειλίας καὶ μικροψυχίας ἐκφάντορες! Ὡ πλευραὶ κεναί, κακοφροσύνης ἐργάτιδες, ἀναιδεΐας σημάντορες! Ὡ τεθυμωμένε θώραξ τεθωρακισμένε, ὡς ποτε ὁ Κυθερῶν ταῖς Ἐριννύσι καὶ ταῖς Μαινάσιν! Ὡ κοιλία εὐμεγέθης καὶ παχεῖα! Περὶ σοῦ γὰρ πιστοῦται ἡ πα-

ρομία: «Παχεῖα γαστήρ χρηστὸν οὐ τίκτει νόον». Ὡ χεῖρες ἀρπακτικώτεραι τοῦ Βριάρεως! Ὡ δάκτυλοι στενοὶ καὶ βραχεῖς, τῆς φειδωλίας καὶ σκαιότητος μάρτυρες!

Ὡ ἀλλὰ τί πέρα τοῦ μέτρου μηκύνω τὸν λόγον μου; Ἄλις τοῦ φάναι, ὡς ἐν Κρόνῳ καὶ ὑπὸ τὸν ὠρόσκοπον τοῦ Κρόνου συνελήφθη, ἐσπάρη, ἐτέχθη, ὅστις δὲ γεννηθῇ, ὅτε περιπολεῖε ὁ Κρόνος τοῦ Ταύρου τὸ ζῶδιον καὶ κακόνους καὶ κακοπράγμων καὶ διὰ τὸν ψυχινὸν ἀέρα ἐμπίπτει ἐς φρενῶν ἔκστασιν καὶ ἐκτοπισμὸν τῶν αἰσθήσεων. Διό μοι δοκεῖ ἄξιον ἐπιγράψαι τοῦτ' τὸ ἐπίγραμμα ἐπὶ τῷ δὲ τοῦ Νίκωνος εἰκονισμῷ: Νίκωνος μορφῇ ἔριδας καὶ νίκηα φράζει, τὴν φύσιν ἀλλάξει ἢ χάρις οἶδε μόνη. Εἵρηκα.

Внешний образ, характеризующий Патриарха Никона, согласно физиогномике и антропоморфологии, тщательно изложенный, представляется для обозрения и критики всех будущих читателей

Поскольку ведь история — это молчаливая картина, а картина, наоборот, считается говорящей историей, давайте-ка, нарисовав бывшего Патриарха Никона, весьма небольшого на этой картине, его самого выставим в качестве примера для наших потомков, как бы оставив некую запись на столбе. Ведь когда он патриаршествовал, он всего себя представлял красиво изображенным, еще при жизни причисляя себя к святейшим иерархам. И даже после своего патриаршества он предавал себя полностью в руки художников, увенчанного богатой диадемой, окруженного толпой иподиаконов и сопровождаемого со всех сторон строем иеродиаконов, совсем не помня, бесформенный и некрасивый лицом, что Плотин, самый платоновский философ, хотя и имел миловидное лицо и безупречный вид, однако стеснялся себя предавать изображению, считая, что это недостойное дело для философа. А он, в какой-то мере походивший на первовещество, которое физики, определяя его, называют бескачественной субстанцией, безобразной и бесформенной, был в восторге от расцвечивания себя и приукрашивания — он, чей только вид и наружность в совокупности были безобразнее и некрасивее неприступных Эмпус (которых большинство мифографов именуют Ламиями и Мормоликами).

Мне же, однако, клянусь подругой правдой, прежде чем увидеть пресловутого Никона, было очень любопытно своими глазами насладиться его образом, поэтому я, озаботившись, искал возможности

хотя бы на производном изображении увидеть Никона. И, полагаю, через долгое время мое желание его разыскать имело результат: ибо один превосходный художник, по происхождению немец, по имени Иоанн, мой близкий знакомый, узнав о жажде такого желания, пришел ко мне, принеся большое изображение Никона; когда же я внимательно посмотрел и разглядел [его], я онемел и потерял голос: я думал, всматриваясь, что это поистине Каликандзар или один из всем известных Циклопов, Гигантов и Кентавров, или Эфиальт, в сновидениях нападающий, ужасный именем, а на деле еще ужаснее. Через некоторое же время, придя в себя, я сразу же воскликнул полустышим Нонна: «Очи мои, что за чудовище?» И даже начал прославлять тех, у кого нет глаз, а с рождения незрячих я считал достойными блаженства, поскольку они не могут увидеть такого огромного мужа, способного вола запрячь в ярмо, приложив его лоб к земле. И Персей ведь, тот, который, грозно сражаясь с Горгонами, и Медузе, превращающей в камень абсолютно всех пристально на нее смотрящих, — Медузе той отрубил голову, зеркалом себя прикрыв, чтобы его совсем не было видно, и, используя копье с серповидным наконечником, спасся, совершенно невредимый и нетронутый. А тот же, кто около Никона внезапно оказывался, был в опасности, словно он смотрел на свирепого волка, и сразу же погружался в тяжелый сон: так как такой он, околдовывает все без различия, едва ли не речами умерщвляя подходящих к нему, как колдун, смертоносным своим и страшным взглядом, как когда приходит кошмарный Тельхин.

А художник, улыбнувшись, сказал: «А что ты мне дашь?» «А если именно я разъясню секреты-мекреты этого изображения? — говорил я. — Неужели ты мне откроешь, мой милый, и укажешь, я догадываюсь, что эти приметы физиогномики, мною предполагаемые и действительно имеющиеся, шаткие и неправдоподобные, так как они якобы основаны на одних только догадках, на предмете недостоверном во всех отношениях и на искусстве весьма опасном и ошибочном. На самом же деле [они основаны] не на начинании и далеком отзвуке, отделившемся от двора Божьего, а на сказанном и пересказанном сообща благодатнейшими отцами».

А тот возразил, сказав: «Поскольку ты это сказал зря, как совсем не сведущий в философии, как один из тех “из подворотни” и попавший в вульгарное окружение, я тебе скажу свое мнение. Ведь правдива та

пословица, которая гласит: “Тот предсказатель самый лучший, который хорошо угадывает”. И можно было бы мне умолчать об образах и изображениях, созданных по-разному Гомером (ведь он в третьей книге “Одиссеи” о Терсите следующее сложил:

Итак, я сам о нем расскажу, каким он был:

очень сутулый, смуглый, с кудрявой головой.

А в девятой песни “Илиады” о Гекторе [написал]:

Имеющий взор Горгоны и человекоубийцы Арея).

И в меньшей мере я умолчу о физиогномичных образах друга твоего Григория Богослова, нацеленных некогда против Юлиана Отступника. Ведь он пишет во втором своем обличительном слове дословно следующее: “Стало быть, тогда, не будучи искусным, я смог разобраться в этом человеке, хотя все же я не один из знатоков этого дела. Но меня сделали предсказателем неустойчивость его характера и излишняя возбужденность: разве только тот прорицатель лучший, который хорошо умеет угадывать. Ведь, по-моему, ни на что хорошее не указывали дряблая шея, плечи вздрагивающие и приподнятые, глаза возбужденные и бегающие и безумно глядящие, ноги стоящие нетвердо и согнутые, нос — выдыхающий наглость и презрение, мимика уморительная, смех несдержанный и гогочущий, производящий такое же впечатление, кивки одобрительные и отрицательные — без всякой причины, речь прерывистая и задыхающаяся, вопросы беспорядочные и нелогичные, ответы, ничем не лучшие их, друг друга перебивающие и шаткие, да и не следующие грамматическим правилам. Зачем же мне это описывать по отдельности? Это я до всех событий наблюдал и в этом потом убедился. И если бы присутствовали те, кто были со мной тогда рядом и это слышали, они бы без труда это подтвердили. Ибо, когда я это увидел, я сразу им сказал, какое зло возвращает Римская империя, и, предсказав это, я сам желал оказаться ложным прорицателем”.

Стало быть, это не так, естественнонаучно истолковывать и распознавать по внешнему виду — это не изобретение остроумных софистов и даже не искусный вздор изворотливых риториков. Ведь замечательный Платон в своем “Государстве” сказал, что существует четыре свойства души: выше всего разум, на втором месте рассудок, третье отдается вере, а догадке — последнее. Теперь я не отрицаю, что искусство физиогномики основано на догадке, поскольку не имеет

необходимого доказательства, а только некое предположение и догадку, сделанные посредством какого-то уподобления.

Один физиогномист по имени Зопир увидел Сократа, сына Софрониска, и сразу же вскрикнул: “Ах, сколь сильно этот человек склонен к низкому, тяготея к телесным страстям и опускаясь до любовных утех!” Под смех учеников над этим высказыванием и под их хохот над откровением того человека, как над неразумным и злым, учитель, перебив, похвалил натурфилософа, сказав: “Именно таким я был по природе, прежде чем заняться философией, дети мои, а философия то, что было во мне по природе, совершенно излечила и, приложив нечеловеческие усилия, исправила, как медведица, любящая своих детей, мою безобразную душу, сформировав и придав ей форму”.

И все же природа — это вечно звучащее эхо и неумолкаемый голос Бога всяческих, который громко звучит в каждом творении, как в растениях “Да произрастит земля”, так и в животных: “Возрастайте и размножайтесь”. И вот эта же природа у поэтов зовется Пасифаей, а у философов она определяется как первопричина духовного уклона, причина наклона и поворота вглубь, у варваров же и не греков она естественнонаучно истолковывается как дочь и помощник Создателя, душа вселенной и гармония. И вполне естественно, что как в макрокосме, на небесах, Творец расположил звезды как знаки, подобным же образом в микрокосме, в человеке, Создатель видимого и невидимого творения начертил для рассмотрения, придав образ, неясные и скрытые приметы физиогномики. Так вот поэтому и физиогномическая антропоморфология и научная антропология тщательно анализируют соответствующие приметы тела, явные и неявные, по роду и по месту, каждую по отдельности и в совокупности, и не поверхностно их исследуя, а, больше того, в целом и в общем с достоверностью определяя, и в частности изучая “количество” тела: либо большое по величине, либо небольшое по размеру, а также само “качество”: белокожим родился исследуемый человек или, наоборот, темнокожим; каковы форма частей тела, тип внешности, звучание речи, акцент произношения и, говоря короче, все особенности, которые вызывают или способствуют идиосинкразии, симпатии и антипатии, соответствующие более общему сложению тела.

Теперь, когда это все давно было известно и сказано, посмотри внимательно, ради Харит, на голову Никона, какая она огромная и

толстокожая. Кто-нибудь мог бы обоснованно написать эпиграмму: “Такая голова, а ума в ней нет”. Ведь именно такими абсолютно безмозглыми и невежественными бывают те, у кого голова и члены кажутся большими. Погляди и на его волосы, как они черны, словно оперение ворона или щетина кабана, и как поэты Посейдона изображают, называя его чернокудрым. Взгляни же на его лицо, какое оно озлобленное, как у тигра, и озверевшее, как у медведя, ибо “злобная желчь на носу расположена”, точно как пропел о Пане сиракузский поэт Феокрит, указывая на его вспыльчивость. Однако же, поскольку твой друг Аристотель учит смотреть и доверять не одному члену и части тела, а рассматривать все, либо те, которые значительнее и важнее, по которым отчетливо распознается все строение и сочетание, посмотри-ка на знаки этих самых верхних частей, так как они являются намного более ясными и достоверными, чем другие. Так вот заметь, как какой-нибудь исследователь лбов, его лоб (ведь считается, что исследование лба — это что-то вроде живописи и, более того, подходит на “срез” всей наружности, в котором находится место совести, зеркало психических недугов), как он сужается, сморщиваясь, и как, съезживаясь, сжимается: знак крайнего безумия и невыразимого недоверия прикрытие. И, если можешь, ты посчитай сам морщины на его лбу или проходящие по нему кривые линии.

Поистине две из частей считаются царственнее других: мозг, очевидно, “сердечный” орган благоразумного человека, и сердце — источник естественного тепла, врата желудка, уста живота, через него легкие наполняются воздухом, позволяя нам выдыхать и вдыхать. Но сердце Никона было дальше от любой правоты, а лучше сказать, милости, которая является сердцем доблести, по словам ученойшего Свида, и еще дальше от человеколюбия, будучи в удалении от [обычного] местоположения сердца; мозг же его скорее испускал пламя, словно вулкан Этна, или, изрыгая из глубины вкрадчивые речи, метал стрелы в доброту.

Ну и утверждай теперь, что физиогномика не правдива, тогда как и фигура, будучи гораздо более вытянутой, явно свидетельствует о его безумии и безрассудстве. Ведь считается, что, каково расстояние от сердца до мозга, столько же и дающий жизнь дух, то есть жизненно важная сила, берущая начало и приводимая в движение из сердца, легче поднимаясь к близко расположенному мозгу, восстанавливает

недостатки тела, дефекты природы. Именно поэтому давно общеизвестно, что всякий человек с большим лицом — бесчувственный, кровопийца, бесстыдный, злой, упорствующий, поскольку человеческому лицу предназначено быть зеркалом бессмертной души. Точно так же, безусловно, и светильник тела — глаз заключает в себе отпечаток сознания и незапятнанное отражение дурного или хорошего настроения человека. Стало быть, показано и через исследование лба, что по природе он полон бесстыдства и набит тупоумием. И откровенно заявляют о себе таким же образом через его быстрые глаза, отличающиеся некой дерзостью, его достойная порицания хитрость и неприемлемая наглость. Ведь разбирающиеся в оптическом методе учат, что люди с маленькими глазами видят острее, чем те, у которых глаза большие, поэтому они и приходят к выводу, что хуже видит большое око буйвола и быка, чем очень маленький глаз куропатки и кроткой голубки. Они же распространяют эту философскую идею и на зрение, как на процесс «выхода», как предпочитают Платон и Гален, так и на процесс «входа», как утверждает стагирский философ [Аристотель] о той аксиоме, говоря, что объединенная сила растет, увеличивается и закаляется, поэтому и поется, какое сильное мужество заключается в маленьком теле, то есть из-за связывающей силы. Ведь маленького роста был Аякс, хотя он был воином, небольшой и Ахиллес, но все же лучший среди всех греков.

Надо ли исследовать более мелкие части тела, или же эти так называемые лишние части? Ясно, что широкие по высоте брови указывают на грозность и жестокость нравов, обозначают упорство и устойчивость дурных привычек. Нужно ли рассуждать о его длинных веках, которые типичны при излишнем бесстыдстве и выявляют в речи крайнее пустословие и болтливость? Или о его ушах, похожих на те, которые были у Мидаса, лучших органах для горьких известий? Или о его раскрытых ноздрах, явно свидетельствующих о всем его своенравном притворстве и прикрытом лицемерии? Или заниматься его острыми и зазубренными зубами, которые сплошь клыки, — вестниками звериной породы и показателем ненасытности? А как же петушиное торчащее горло, разве это не попросту пособник прожорливости? И что за расслабленная в своей надменности шейная жила? Разве это не предвестник тупоумия? Конечно, и шея толстая — надлежащий обличитель самонадеянности, не выявляет ничего, кроме раздра-

жительности, и указывает на озлобленность и ожесточенность. Его глотку можно назвать пропастью для еды, а видимая гортань, будучи прожорливее чайки, заявляет о строгости; так и сильно опущенная его борода, известная как служитель беспечности, представляет собой признак несправедливости. Таким же образом и вытянутые под носом усы выявляют особое безрассудство и полное неведение. Но, о непомерный рот, разнузданный и не умолкающий, к тебе, как к живому, я обращаюсь, невежественный и коварный, преисполненный несправедливости и полный криводушия, так как ты никогда не говорил по сути, а болтал лишь то, что некстати приходило на язык говорящему, ты никогда не постановлял должное и не различал порядочность. О язык, ученик невоздержанной болтливости, слуга пустословия, проводник злословия, посредник коварства, до каких пор ты будешь презрительно от нас отмахиваться, надменно обращаясь со всеми священнослужителями, которые тысячами твоих замыслов были хитро побеждены и с отчаянием тебе подчинены, ты, естественная подпора притворного страха и зла?

Какой мастер слова мог бы рассказать об остальных частях тела? Я очень хвалю восточных живописцев священных образов, которые имеют обыкновение писать изображения до низа живота. И я, подражая теперь этим писцам, не буду анализировать скрытое и запретное из уважения и достоинства. Однако, чтобы никто не сказал: “Ты поэтому оставляешь без нашего внимания остальные части тела, как знаки порядочности и свидетельства благородства”, давайте скажем и о широкой груди, характерной для поверхностности и глупости, а также и о его горбатой спине, словно она переполнена коварством и хитростью.

О широкие плечи Никона, выражающие трусость и малодушие! О пустые бока, прислужники враждебности, знаки бесстыдства! О разозленная грудь, защищенная, как древний Киферон, эриниями и менадами! О живот, огромный и толстый! Именно тобой подтверждается пословица: “Толстое брюхо не рождает хороший ум”. О руки, более заgreбушие, чем у Бриарей! О пальцы, узкие и короткие, — свидетели скупоści и бестолковости!

О, зачем же я больше меры затягиваю свою речь? Достаточно сказать, что он был зачат, произведен на свет и рожден при Сатурне и под гороскопом Сатурна, а всякий, кто родился, когда проходит Сатурн,

[управляющий знаком] зодиака Тельца, недоброжелателен и злонамерен и из-за холодного воздуха впадает в безумие и бесчувствие. Вот почему мне кажется достойным закончить изображение Никона вот такой эпиграммой: “Образ Никона говорит о раздорах и распрях, только благодать может изменить природу”. Я рассказал».

Перевод П.А. Рылик

...история — это молчаливая картина, а картина, наоборот, считается говорящей историей. — Аллюзия на Плутарха, у которого, однако, с картиной или живописью сравнивается не история, а поэзия (*Plut. Quaest. conv. IX, 15*).

...Плотин... хотя и имел миловидное лицо и безупречный вид, однако стеснялся себя предавать изображению, считая, что это недостойное дело для философа. — См. рассказ об этом у Порфирия: «Плотин... всегда испытывал стыд от того, что жил в телесном облике... А позировать живописцу или скульптору было для него так противно, что однажды он сказал Амелию, когда тот попросил его дать снять с себя портрет: “Разве мало тебе этого подобия, в которое одела меня природа, что ты еще хочешь сделать подобие подобия и оставить его на долгие годы, словно в нем есть на что глядеть?” Так он и отказался, не пожелав по такой причине сидеть перед художником» (*Porph. Plot. 1* [пер. М.Л. Гаспарова]).

...первоначество. — Евстафий Фессалоникийский применяет это выражение к Протею, подчеркивая постоянную изменчивость его внешнего вида (*Eusth. Thess. Comment. ad Hom. Od. Vol. 1, p. 174.20–21*).

...физики, определяя его, называют бескачественной субстанцией, безобразной и бесформенной. — Ср., например, о взглядах Платона у Аэтия (самое раннее свидетельство?): «Πλάτων τὴν ὕλην σωματοειδῆ ἄμορφον ἀνείδεον ἀσχημάτιστον ἄλοιον ὅσον ἐπὶ τῇ ἰδίᾳ φύσει» (*Aet. De placitis reliquiae* (Stobaei excerpta), p. 308.5–7); о Платоне и Аристотеле: «Ἀριστοτέλης καὶ Πλάτων τὴν ὕλην σωματοειδῆ ἄμορφον ἀνείδεον ἀσχημάτιστον ἄλοιον μὲν ὅσον ἐπὶ τῇ ἰδίᾳ φύσει, δεξακηνὴν δὲ τῶν εἰδῶν οἷον τιθῆναι καὶ ἐκμαγεῖον καὶ μητέρα γενέσθαι» (*Ps.-Plut. Placita philosophorum 882c8–12*). Пересказ этих идей встречается и у церковных авторов, например, у Евсевия Кесарийского (*Euseb. Caes. Praepar. Evang. XV, 44 // PG 21, 1392*).

...Эмпус (которых большинство мифографов именуют Ламиями и Мормоликами). — В древнегреческой мифологии эмпусы — страшные ночные призраки, входившие в свиту Гекаты; пили человеческую кровь, могли принимать облик красивых девушек, чтобы обольщать мужчин и затем умерщвлять их. В «Жизни Аполлония Тианского», где приводится характерная история знакомства прекрасного юноши Мениппа с эмпусой, сказано, что эмпус многие считают «ламиями и мормоликами» (*Philostr. Vita Apoll. IV, 25* [в пер. Е.Г. Рабинович: «упырями и оборотнями»]; cf. VIII, 7). См. подробнее: [50, 1. R., Bd. V, Hbd. 10, Sp. 2540–2543; Bd. XII, Hbd. 23, Sp. 544–546; Bd. XVI, Hbd. 31, Sp. 309–311].

...клянусь подругой правдой. — В византийских текстах встречается выражение «клянусь правдой» (ὣν τὴν ἀλήθειαν).

...один превосходный художник, по происхождению немец, по имени Иоанн. — Имеется в виду Иоганн (Иоанн, Иван, Ганс) Детерс (Дитерс), живописец Оружейной палаты, автор портрета Патриарха Никона.

...Каликандзар. — Пугающее существо из новогреческого фольклора. Этимология слова *καλικάντζαρος* остается неясной [27, р. 22–24]. Что касается истории верований в каликандзаров, то Л. Алляций (старший современник Лигарида, происходивший, как и он, с о. Хиос) приводит рассуждения Михаила Пселла о другом мифическом существе, известном под названием βαβούτζικάριος, представления о котором восходят к древнегреческой мифологии. Согласно Алляцию, βαβούτζικάριος Пселла, писавшего в XI в., близок каликандзару, каким его представляли греки в XVII в. (см.: [47, р. 138–142]).

...Эфиальт, в сновидениях нападающий. — В древнегреческой мифологии Эфиальт — демон, повелитель кошмарных снов (см.: [50, 1. R., Bd. V, Hbd. 10, Sp. 2847–2848]). Слово *ἐφιάλτης* могло означать и само кошмарное сновидение.

...воскликнул полустышищем Нонна: «Очи мои, что за чудовище?». — Точная цитата из «Деяний Диониса» Нонна Панополитанского (*Nonnus. Dion. I, 93*).

...способного вола запрячь в ярмо, приложив его лоб к земле. — Слово *θηροζυγοαψιέτωπος* встречается в Палатинской антологии в составе панграммы — стихотворной строки, включающей в себя все буквы греческого алфавита: «Αβροχίτων δ' ὁ φύλαξ θηροζυγοαψιέτωπος» (*Anth. Gr. IX, 538.1*). Перевод его является достаточно условным; буквальное значение — «склоняющий звериный лоб под иго».

И Персей ведь... спасся, совершенно невредимый и нетронутый. — Детали сражения Персея с Медузой несколько отличаются в изложении разных античных авторов. Так, согласно Лукану Афина дала Персею зеркальный щит (*Luc. Bell. civ. IX, 669–670*); Гигин пишет, что Вулкан (Гефест) подарил Персею серп из адаманта (*Hug. Poet. astr. II, 12, 1*), Аполлодор же утверждает, что Персей взял у Гермеса кривой стальной меч (*Apollo. Bibl. II, IV, 2*). Подробнее см.: [50, 1. R., Bd. XIX, Hbd. 37, Sp. 983–985]. О том, что Персей отрубил Медузе голову не серпом или серповидным мечом, а копьем с серповидным наконечником (*λοοχόδρεπανον*), говорится в словаре «Суда» (*Suidae Lexicon, s. v. Γοργόνες et Περσεύς*).

...погружался в тяжелый сон. — Использованное здесь слово (*βαρχυνᾶν*, поэт. *βαρχυνᾶς*) в различных формах зафиксировано у Ш. Дюканжа [49, col. 179 (*βαρχυνᾶς*)] и А. да Сомаверы [51, р. 69 (*βαρχυνᾶς, βραχυνᾶς, βαρχυνᾶς*)]. А. Ко-раис, приведя все эти формы, указывает, вслед за Дюканжем, что данное слово использовалось как одно из имен Эфиальта, и далее отмечает сходство Эфиальта с латинским инкубом, а само слово сопоставляет с франц. *cauchemar* и англ. *Nightmare* [52, σ. 46–49 (*βαρχυνᾶς, βραχυνᾶς*)].

...кошмарный Тельхин. — Тельхин упоминается в данном контексте, возможно, в связи с тем, что это имя (*Τελχίη*) традиционно производят от глагола *θέλω* (очаровывать, околдовывать). Ср. посвящение царю, предпосланное *Книге о соборе*, в котором Лигарид упоминает тельхинов наряду с титанами и корибантами в качестве примера буйствующих, агрессивных созданий. При этом эпитет «кош-

марный» (πνίγαλιών, букв. удушающий, от πνίγω — душить), который Лигарид употребляет применительно к Тельхину, обычно обозначал Эфиалта.

...**секреты-мекреты**. — Эта игра слов (μυστήρια-μυθήρια) встречается еще у Климента Александрийского, который с ее помощью пытается объяснить происхождение слова «мистерии» (Clem. Al. Protr. II, 13, 2).

...**«из подворотни»**. — Букв. «с перекрестка» (ἀπὸ τριόδου). Ср. у свт. Григория Нисского: ἀπὸ τῆς τριόδου τὰ σκώμματα (площадные насмешки; Greg. Nys. Contra Eunom. I, 1, 96). Похожее выражение (ἐκ τριόδου) употреблялось еще античными авторами для обозначения чего-либо вульгарного, грубого и т. п.

...**пословица, которая гласит: «Тот предсказатель самый лучший, который хорошо угадывает»**. — Встречается уже у Еврипида (Eur. fr. 973 Nauck: μάντις δ' ἄριστος ὅστις εἰκάζει καλῶς). В слегка измененном виде (μάντις ἄριστος, ὅστις εἰκάζειν οἶδε καλῶς) приводится Григорием Богословом, которого Лигарид цитирует ниже.

Итак, я (сам)... с кудрявой головой. — См.: Нот. Od. XIX, 245–246.

Имеющий взор Горгоны и человекоубийцы Ароя. — См.: Нот. II. VIII, 349.

...**друга твоего Григория Богослова**. — В Книге о соборе Лигарид неоднократно называет свт. Григория Богослова своим другом (см., например, вступление к третьей части Книги) и цитирует различные сочинения этого отца Церкви.

Стало быть, тогда <...> ложным прорицателем. — Точная цитата из Григория Богослова (Greg. Naz. Or. V, 23–24); ср. перевод Московской духовной академии [44, с. 160]. Совершенно иначе, без каких-либо отрицательных оценок, описывается внешность Юлиана Отступника у Аммиана Марцеллина (Атт. Marc. XXV, 4, 22).

...**когда я это увидел, я сразу им сказал, какое зло возвращает Римская империя**. — Григорий Богослов познакомился с будущим императором в молодости, когда тот (на несколько лет позже Григория) прибыл в Афины для завершения философского образования.

...**Платон в своем «Государстве» сказал**. — Букв. «в политических [диалогах]». Платону принадлежит несколько диалогов политико-правового содержания: к ним, наряду с «Государством», относятся «Законы», «Минос», «Политик».

...**существует четыре свойства души... последнее**. — Цитата (с некоторыми изменениями) из «Государства» Платона (Pl. Resp. VI, 511d7–e2).

Один физиогномист по имени Зофир <...> придав ей форму. — Здесь излагается фабула не дошедшего до нас диалога «Зофир», принадлежащего ученику Сократа Федону и известного в передаче Цицерона (Cic. Tusc. IV, 37, 80; Fat. V, 10). О Зофире см.: [50, 2. R., Bd. X, Hbd. 19, Sp. 768–769].

...**«Да произрастит земля»... «Возрастайте и размножайтесь»**. — Божественные повеления природе при сотворении мира (Быт. 1: 11, 22).

И вот эта же природа... душа вселенной и гармония. — Источники утверждений Лигарида, содержащихся в этом предложении, установить не удалось.

...**написать эпиграмму: «Такая голова, а ума в ней нет»**. — Почти дословная цитата из басни Эзопа «Лисица и маска» (Aesop. Fabulae XXVII, 2, 4; 3, 4).

...поэты Посейдона изображают, называя его чернокудрым. — У Гомера, Гесиода и других античных поэтов Посейдон именуется Кианохетом (κυανοχαίτης) — «черновласым» или «темновласым» (с волосами цвета морской волны); см., например: *Нот.* Od. III, 6; IX, 528; *Hes. Theog.* 278. Лигарид употребляет аналогичный эпитет — μελαυχαίτης, не встречающийся, однако, в античной литературе при описании Посейдона.

...«злбная желчь на носу расположена», точно как пропел о Пане сиракузский поэт Феокрит. — Почти дословная цитата из «Идиллий» Феокрита (*Theoc.* Id. I, 18).

...Аристотель учит смотреть... строение и сочетание. — Имеется в виду «Физиогномика» Псевдо-Аристотеля (изложение не дошедшего до нас трактата Аристотеля на эту тему), где сказано, в частности: «При всяком отборе признаков одни признаки обнаруживают предмет более явно, чем другие. Наиболее явным образом обнаруживают его те признаки, которые встречаются в главных частях [тела]. Главная часть [тела] — это область у глаз, лоб, голова и лицо...» (*Ps.-Arist. Phgn.* 814a9–b5 [пер. А.Ф. Лосева]).

...мозг, очевидно, «сердечный» орган благоразумного человека, и сердце. — У Лигарида игра слов: καρδιά (сердце) — ἐγκάρδιον (близкий к сердцу; здесь — главный, основной).

Но сердце Никона было... еще дальше от человеколюбия, будучи в удалении от [обычного] местоположения сердца. — Здесь, по-видимому, Лигарид намекает на непропорционально большие размеры тела Никона.

...милости, которая является сердцем доблести, по словам ученийшего Свиды. — Ср.: Καρδία τῆς ἀρετῆς ἐστὶν ἡ ἐλεημοσύνη (*Suidae Lexicon*, s. v. καρδία). Речь идет об анонимном энциклопедическом словаре «Суда» или «Свиды» (Σοῦδα, Σοῦιδας), составленном в Византии в конце X в.; до XX в. его название (букв. — ограда) ошибочно считалось именем автора.

...светильник тела — глаз. — Не совсем точная евангельская цитата (ср.: Лк. 11: 37).

...маленького роста был Аякс. — В «Илиаде» упоминаются два Аякса: первый, Аякс Теламонид, царь Саламина, один из важнейших героев гомеровского эпоса, отличался огромным ростом (*Нот.* II. VII, 211), второй же, Аякс Оилид, царь Локриды, был «намного меньше» Теламонида (*Нот.* II. II, 527–529).

...небольшой и Ахиллес. — Гомер прямо не говорит о росте Ахиллеса, однако называет доспех героя «огромным» (*Нот.* II. XVIII, 83), что вряд ли совместимо с представлением о небольшом росте. Лигарид здесь, возможно, пользуется каким-то более поздним источником.

...о его ушах, похожих на те, которые были у Мидаса. — Мифического царя Фригии Мидаса Аполлон наделил ослиными ушами, разгневавшись из-за того, что Мидас присудил победу Пану, состязавшемуся с Аполлоном в игре на музыкальных инструментах (см., например: *Hug. Fab.* 191).

...защищенная, как древний Киферон, эриниями и менадами. — Горный хребет Киферон (Китерон), отделяющий Аттику от Беотии, получил имя в честь

мифического царя Платей Киферона; эти горы связывались в мифологии с эриниями и менадами.

...пословица: «Толстое брюхо не рождает хороший ум». — Устойчивое выражение (в форме «Παχέα γαστήρ λεπτόν οὐ τίκτει νόον»), восходящее к Галену (ὥς γαστήρ ἡ παχέα τὸν νοῦν οὐ τίκτει τὸν λεπτόν: *Gal. Thrasybulus* [Kühn V, S. 838.13]). Ср. русскую пословицу: «Живот толстой, да лоб пустой».

О руки, более загребущие, чем у Бриарей! — Бриарей, или Эгеон, — в древнегреческой мифологии один из сторуких великанов.

Комментарий А.Г. Бондача

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Исследования

- 1 Баранова С.И., иерей Иоанн Кудласевич, Севастьянова С.К., Смирнова И.Ю., Федорова И.В., Черненилова Л.М. От Иерусалима до Нового Иерусалима. К 200-летию со дня рождения архимандрита Леонида (Кавелина). Коллективная монография / отв. ред. Л.А. Беляев. М.: ООО «ЕВА», 2022. 448 с.
- 2 Бубнов Н.Ю. Протопоп Аввакум и патриарх Никон: Жизнь и служение глазами старообрядцев // Российский журнал истории Церкви. 2022. № 3 (1S). С. 17–37. DOI: 10.15829/2686-973X-2022-84
- 3 Виноградова Л.Н. Мифология календарного времени в фольклоре и верованиях славян // Славянский альманах 1996. 1997. С. 143–155.
- 4 Горбунова А. Житие и антижитие. Жанровые истоки народной книги о Фаусте // Вопросы литературы. 2006. № 3. С. 196–221.
- 5 Демидова Л.Д. «Христианопасный щит веры...» инока Авраамия и идеология раннего старообрядчества: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2013. 279 с.
- 6 Захарова В.Н. Зарубежное искусствознание 1970–2000-х гг. о категориях «идеального» и «индивидуального» в портрете флорентийского кватроченто // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 104–114.
- 7 Зеленская Г.М. Прижизненные изображения Патриарха Никона // Никоновские чтения в музее «Новый Иерусалим». Сб. ст. М.: Северный паломник, 2002. С. 7–14.
- 8 Караваева С.В. Начало и первоначало: возможность их различения в контексте античной философии // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2011. Т. 12. Вып. 4. С. 127–130.
- 9 Коваль В.Ю. О древнерусских амулетах-змеевиках // Краткие сообщения Института археологии. 2007. № 221. С. 64–76.
- 10 Колчин Б.А., Хорошев А.С., Янин В.Л. Усадьба новгородского художника XII в. М.: Наука, 1982. 176 с.
- 11 Лебедев А.В. ΤΟ ΑΠΕΙΡΟΝ: не Анаксимандр, а Платон и Аристотель // Вестник древней истории. 1978. № 1. С. 39–54; № 2. С. 43–58.
- 12 Леонид (Кавелин), архим. Историческое описание ставропигиального Воскресенского, Новый Иерусалим именуемого, монастыря. М.: В Унив. тип., 1876. 770 с.

- 13 Милютенко Н.И. Суздальский и Перемышльский змеевики — молитва и заклинание // Словесность и история. 2021. № 1. С. 30–61.
- 14 Николаева Т.В., Чернецов А.В. Древнерусские амулеты-змеевики. М.: Наука, 1991. 124 с.
- 15 Овчинникова Е.С. Портрет в русском искусстве XVII века. М.: Искусство, 1955. 139 с.
- 16 Павленко А.А. Царский изограф XVII века Иоганн Детерс (Иван Детерсон) и его брат Ганс (Анц) Детерс (Реконструкция творческих биографий) // Альманах «Театр. Живопись. Кино. Музыка». 2018. № 3. С. 7–29.
- 17 Портрет самой уродливой женщины всех времен? URL: <https://dzen.ru/a/Y3fcn9gkdhxgnbjx> (дата обращения: 05.06.2023).
- 18 Севастьянова С.К. Лик и облик: Патриарх Никон и Паисий Лигарид // Афон в истории и культуре Христианского Востока и России. Каптеревские чтения: сб. ст. М.: ИВИ РАН, 2016. Вып. 14. С. 326–383.
- 19 Севастьянова С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона: Переписка с современниками. Исследование и тексты. М.: Индрик, 2007. 779 с.
- 20 Творогов О.В. Античные мифы в древнерусской литературе XI–XVI вв. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1977. Т. 33. С. 3–31.
- 21 Титова Л.В. Антижития в старообрядческой публицистике XVII–XVIII вв. // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI–XX вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. С. 68–77.
- 22 Титова Л.В. «Повесть о рождении и воспитании и о житии и кончине Никона...» — старообрядческое антижитие первой половины XVIII в. // Памятники отечественной книжности: новые тексты, новые интерпретации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. С. 187–217.
- 23 Титова Л.В. «Похвала святейшему патриарху Никону» и «Об Антихристе» — диалог текстов идейных противников // Исторический курьер. 2023. № 2 (28). С. 91–96. URL: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-07.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
- 24 Титова Л.В. Противники церковной реформы об антихристовой сущности патриарха Никона // Исторический курьер. 2022. № 2 (22). С. 251–259. URL: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER2022-2-16.pdf> (дата обращения: 12.06.2023).
- 25 Черная Л.А. Элементы «анти-жития» в «Повести о Темир Аксаке» // Мир житий. Сборник материалов конференции (Москва, 3–5 окт. 2001 г.). М.: Круг; Имидж-Лаб, 2002. С. 157–163.
- 26 Чеснокова Н.П. Толкование предсказания о Константинополе Газского митрополита Паисия Лигарида // Диалог со временем. 2022. Вып. 80. С. 339–353.
- 27 Argenti Ph.P., Rose H.J. The Folklore of Chios. Cambridge, 1949. Vol. I. XIV, 594 p.
- 28 Κλίμωβα Ε. Στοιχεία ελληνικής προέλευσης στο μυθολογικό λεξιλόγιο των σλαβικών χωρών των Βαλκανίων // Кафедра византийской и новогреческой филологии. 2022. № 11. С. 19–34.

Источники

Издания

- 29 *Аристофан*. Комедии; Фрагменты / пер. Адр. Пиотровского; Изд. подгот. В.Н. Ярхо; отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир; Наука, 2008. 1033 с.
- 30 *Белова О.В.* Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М.: Ин-дрик, 2001. 317 с.
- 31 *Витсен Николаас*. Путешествие в Московию. 1664–1665. Дневник / пер. со староголландского В.Г. Трисман. СПб.: Симпозиум, 1996. 272 с.
- 32 *Гесиод*. Теогония (О происхождении богов) (пер. В.В. Вересаева) // Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. С. 29–49.
- 33 *Гомер*. Илиада. Одиссея / пер. с древнегреч. М.: Худож. лит., 1967. 766 с. (Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Т. 3).
- 34 *Грейвс Р.* Мифы древней Греции. М.: Прогресс, 1992. 519 с.
- 35 *Гура А.В.* Символика животных в славянской народной традиции. М.: Ин-дрик, 1997. 912 с.
- 36 Деяния Московского собора о разных церковных исправлениях. М., 1667. 103 л.
- 37 Историческое исследование дела патриарха Никона / сост. по официальным документам Н.А. Гиббенет. СПб.: Тип. М-ва внутренних дел, 1884. Ч. 2. 1150 с.
- 38 *Климкова А.А.* Китоврас // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2014. Т. 35. С. 162–164.
- 39 *Кун Н.А.* Легенды и мифы древней Греции. Пособие для учителей. 5-е изд. М.: Просвещение, 1975. 463 с.
- 40 *Левкиевская Е.Е.* Мара // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. С. 178–179.
- 41 *Лукиан Самосатский*. Сочинения: в 2 т. / под общ. ред. А.И. Зайцева. СПб.: Алетея, 2001. Т. 2. 538 с.
- 42 Мифы народов мира. Энциклопедия (В 2 т.) / гл. ред. С.А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1987. Т. 1. 675 с.; 1988. Т. 2. 719 с.
- 43 Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским / пер. с арабского Г. Муркоса. М.: Унив. тип., 1896. Вып. 1. 202 с.
- 44 Творения иже во святых отца нашего Григория Богослова, архиепископа Константинопольского. 3-е изд. М.: Тип. М.Г. Волчанинова, 1889. Ч. 1. 257 с.
- 45 Толковая Библия, или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета. Пг.: Бесплатное приложение к журналу «Странник» за 1913 г., 1913. Т. XI. 608 с.
- 46 Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. М.: Сов. энциклопедия, 1960. Т. 1. 504 с.
- 47 *Allatius L.* De templis Graecorum recentioribus, ad Joannem Morinum; De narthece ecclesiae veteris, ad Gasparem de Simeonibus; nec non De Graecorum

- hodie quorundam opinationibus, ad Paullum Zacchiam. Coloniae Agrippinae: Apud Iodocum Kalcovium et socios, 1645. [16], 184 p.
- 48 Dictionnaire Infernal. Répertoire universel. Par J. Collin de Plancy. Paris: Henry Plon, Imprimeur-Éditeur, 1863. 748 p.
- 49 *Du Cange C.* Glossarium ad scriptores mediae et infimae graecitatis. Lugduni: Apud Anissonios, J. Posuel, C. Rigaud, 1688. T. I. XLIV p., 1278 col.
- 50 Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft: Neue Bearbeitung / Hrsg. von G. Wissowa et al. 1. R.: [A–Q]. Stuttgart, 1894–1963. Bd. I–XXIV (Hbd. 1–47); 2. R.: [R–Z]. Stuttgart; München, 1914–1972. Bd. I–X (Hbd. 1–19).
- 51 *Somavera A. da.* Tesoro della lingua greca-volgare ed italiana. Parigi: Appresso M. Guignard, 1709. [T. I]. [32], 461, [1] p.
- 52 *Κοραῖς Ἀ.* Ἀτακτα, ἤγουν παντοδαπῶν εἰς τὴν Ἀρχαίαν καὶ τὴν Νέαν Ἑλληνικὴν γλῶσσαν αὐτοσχεδίων σημειώσεων καὶ τινων ἄλλων ὑπομνημάτων αὐτοσχεδίου Συναγωγῇ. Ἐν Παρισίοις: Ἐκ τῆς Τυπογραφίας Κ. Ἐβεράρτου, 1832. Τ. 4. κ', 836, [6] σ.

Рукописи

- 53 Архив СПБИИ РАН. Ф. 261 (В.Н. Бенешевич). Оп. 1. Д. 8.
- 54 Библиотека Румынской академии (г. Бухарест). № 371 (675). 159 л.

REFERENCES

- 1 Baranova, S.I., and Ioann, ierey, Kudlasevich, and S.K. Sevast'ianova, and I.Iu. Smirnova, and I.V. Fedorova, and L.M. Chernenilova. *Ot Ierusalima do Novogo Ierusalima. K 200-letiiu so dnia rozhdeniia arkhimandrita Leonida (Kavelina). Kollektivnaia monografiia* [From Jerusalem to New Jerusalem. To the 200th Anniversary of the Birth of Archimandrite Leonid (Kavelin). Collective Monograph], ed. L.A. Beliaev. Moscow, OOO "EVA" Publ., 2022. 448 p. (In Russian)
- 2 Bubnov, N.Iu. "Protopop Avvakum i patriarkh Nikon: Zhizn' i sluzhenie glazami staroobriadtsev" ["Archpriest Avvakum and Patriarch Nikon: Life and Service Through the Eyes of Old Believers"]. *Rossiiskii zhurnal istorii Tserkvi*, no. 3 (1S), 2022, pp. 17–37. DOI: 10.15829/2686-973X-2022-84 (In Russian)
- 3 Vinogradova, L.N. "Mifologiiia kalendar'nogo vremeni v fol'klоре i verovaniiaxh slavian" ["Mythology of Calendar Time in Folklore and Beliefs of the Slavs"]. *Slavianskii al'manakh*, no. 1996, 1997, pp. 143–155. (In Russian)
- 4 Gorbunova, A. "Zhitie i antizhitie. Zhanrovye istoki narodnoi knigi o Fauste" ["Hagiography and Anti-Hagiography. Genre Origins of the Folk Book about Faust"]. *Voprosy literatury*, no. 3, 2006, pp. 196–221. (In Russian)
- 5 Demidova, L.D. "Khristianoopasnyi shchit very..." inoka Avraamiia i ideologiia rannego staroobriadchestva ["The Christian-Dangerous Shield of Faith..." of the Monk Abraham and the Ideology of the Early Old Believers. PhD Thesis]. Novosibirsk, 2013. 279 p. (In Russian)
- 6 Zakharova, V.N. "Zarubezhnoe iskusstvoznanie 1970–2000-kh gg. o kategoriiaxh 'ideal'nogo' i 'individual'nogo' v portrete florentiiskogo kvatrochento" ["Foreign Art History of 1970–2000s on the Categories of 'Ideal' and 'Individual' in the

- Portrait of the Florentine Quattrocento”]. *Dialog so vremenem*, iss. 42, 2013, pp. 104–114. (In Russian)
- 7 Zelenskaia, G.M. “Prizhiznennnye izobrazheniia Patriarkha Nikona” [“Lifetime images of Patriarch Nikon”]. *Nikonovskie chteniia v muzee “Novyy Ierusalim.” Sb. statey [Nicon’s Readings at the New Jerusalem Museum. Collection of Articles]*. Moscow, Severnyi palomnik Publ., 2002, pp. 7–14. (In Russian)
 - 8 Karavaeva, S.V. “Nachalo i pervonachalo: vozmozhnost’ ikh razlicheniia v kontekste antichnoi filosofii” [“Beginning and Origin: the Possibility of Distinguishing Them in the Context of Ancient Philosophy”]. *Vestnik Russkoy khristianskoi gumanitarnoi akademii*, vol. 12, iss. 4, 2011, pp. 127–130. (In Russian)
 - 9 Koval’, V.Iu. “O drevnerusskikh amuletkh-zmeevikakh” [“On the Old Russian Serpentine Amulets”]. *Kratkie soobshcheniia instituta arkheologii*, no. 221, 2007, pp. 64–76. (In Russian)
 - 10 Kolchin, B.A., and A.S. Khoroshev, and V.L. Yanin. *Usad’ba novgorodskogo khudozhnika XII v. [Estate of a Novgorod Artist of the 12th Century]*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 176 p. (In Russian)
 - 11 Lebedev, A.V. “TO АΠΕΙΡΟΝ: ne Anaksimandr, a Platon i Aristotel” [“THAT ΑΠΕΙΡΟΝ: not Anaximander, but Plato and Aristotle”]. *Vestnik istorii*, no. 1, 1978, pp. 39–54; no. 2, pp. 43–58. (In Russian)
 - 12 Leonid (Kavelin), arkhim. *Istoricheskoe opisanie stavropigial’nogo Voskresenskogo, Novyi Ierusalim imenuemogo, monastyria [Historical Description of the Stauropegial Resurrection, Called New Jerusalem, Monastery]*. Moscow, V Universitetskoi tipografii Publ., 1876. 770 p. (In Russian)
 - 13 Miliutenko, N.I. “Suzdal’skii i Peremyshl’skii zmeeviki — molitva i zaklinanie” [“Suzdal and Przemyśl Coils - Prayer and Spell”]. *Slovesnost’ i istoriia*, no. 1, 2021, pp. 30–61. (In Russian)
 - 14 Nikolaeva, T.V., and A.V. Chernetsov. *Drevnerusskie amulety-zmeeviki [Old Russian Serpentine Amulets]*. Moscow, Nauka Publ., 1991. 124 p. (In Russian)
 - 15 Ovchinnikova, E.S. *Portret v russkom iskusstve XVII veka [Portrait in Russian Art of the 17th Century]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1955. 139 p. (In Russian)
 - 16 Pavlenko, A.A. “Tsarskii izograf XVII veka Iogann Deters (Ivan Deterson) i ego brat Gans (Ants) Deters (Rekonstruktsiia tvorcheskikh biografii)” [“Seventeenth Century Royal Iconographer Johann Deters (Ivan Detersson) and His Brother Hans (Antz) Deters (Reconstruction of Creative Biographies)”]. *Al’manakh “Teatr. Zhivopis’. Kino. Muzyka,”* no. 3, 2018, pp. 7–29. (In Russian)
 - 17 *Portret samoi urodlivoi zhenshchiny vsekh vremen? [Portrait of the Ugliest Woman of All Time?]*. Available at: <https://dzen.ru/a/Y3fcn9gkdhxgnbjx> (Accessed 05 June 2023). (In Russian)
 - 18 Sevast’ianova, S.K. “Lik i oblik: Patriarkh Nikon i Paisii Ligarid” [“Face and Appearance: Patriarch Nikon and Paisius Ligarid”]. *Afon v istorii i kul’ture Khristianskogo Vostoka i Rossii. Kapterevskie chteniia: sb. statey [Athos in the History and Culture of the Christian East and Russia. Kapterev Readings: Collection of Articles]*, iss. 14. Moscow, IWH RAS Publ., 2016, pp. 326–383. (In Russian)

- 19 Sevast'ianova, S.K. *Epistoliarное nasledie patriarkha Nikona: Perepiska s sovremennikami. Issledovanie i teksty* [Epistolary Legacy of Patriarch Nikon: Correspondence with Contemporaries. Research and Texts]. Moscow, Indrik Publ., 2007. 779 p. (In Russian)
- 20 Tvorogov, O.V. "Antichnye mify v drevnerusskoi literature XI-XVI vv." ["Ancient Myths in Old Russian Literature of the 11th–16th Centuries"]. *Proceedings of the Department of Old Russian Literature*, vol. 33. Leningrad, Nauka Publ., 1977, pp. 3–31. (In Russian)
- 21 Titova, L.V. "Antizhitia v staroobriadcheskoi publiksistike XVII–XVIII vv." ["Anti-Hagiographys in Old Believer Journalism of the 17th–18th Centuries"]. *Obshchestvennoe soznanie naseleniia Rossii po otechestvennym narrativnym istochnikam XVI–XX vv.* [Social Consciousness of the Russian Population According to Domestic Narrative Sources of the 16th–20th Centuries]. Novosibirsk, SO RAN Publ., 2006, pp. 68–77. (In Russian)
- 22 Titova, L.V. "'Povest' o rozhdenii i vospitanii i o zhiti i konchine Nikona...' – staroobryadcheskoe antizhitie pervoi poloviny XVIII v." ["The Tale of the Birth and Upbringing and the Life and Death of Nikon...' is an Old Believer Anti-Hagiography of the First Half of the 18th Century"]. *Pamiatniki otechestvennoi knizhnosti: novye teksty, novye interpretatsii* [Monuments of Russian Bookishness: New Texts, New Interpretations]. Novosibirsk, SO RAS Publ., 2007, pp. 187–217. (In Russian)
- 23 Titova, L.V. "'Pokhvala sviateishemu patriarkhu Nikonu' i 'Ob Antikhriste' — dialog tekstov ideynykh protivnikov" ["Praise to His Holiness Patriarch Nikon' and 'About the Antichrist' — a Dialogue of Texts from Ideological Opponents"]. *Istoricheskii kur'er*, no. 2 (28), 2023, pp. 91–96. Available at: <http://istkurier.ru/data/2023/ISTKURIER-2023-2-07.pdf> (Accessed 12 June 2023). (In Russian)
- 24 Titova, L.V. "Protivniki tserkovnoi reformy ob antikhristovoi sushchnosti patriarkha Nikona" ["Opponents of Church Reform about the Antichrist Essence of Patriarch Nikon"]. *Istoricheskii kur'er*, no. 2 (22), 2022, pp. 251–259. Available at: <http://istkurier.ru/data/2022/ISTKURIER2022-2-16.pdf> (Accessed 12 June 2023). (In Russian)
- 25 Chernaia, L.A. "Elementy 'anti-zhitia' v 'Povesti o Temir Aksake'" ["Elements of 'Anti-Hagiography' in 'The Tale of Temir Aksak'"]. *Mir zhiti. Sbornik materialov konferentsii (Moskva, 3–5 okt. 2001 g.)* [The World of Life (Vita). Collection of Conference Materials (Moscow, October 3–5, 2001)]. Moscow, Krug; Imidzh-Lab Publ., 2002, pp. 157–163. (In Russian)
- 26 Chesnokova, N.P. "Tolkovanie predskazaniia o Konstantinopole Gazskogo mitropolita Paisiia Ligarida" ["Interpretation of the Prediction about Constantinople by Metropolitan Paisius Ligaridas of Gaza"]. *Dialog so vremenem*, iss. 80, 2022, pp. 339–353. (In Russian)
- 27 Argenti, Philip P., and H.J. Rose. *The Folklore of Chios*. Cambridge, 1949, vol. I. XIV, 594 p. (In English)
- 28 Κλίμοβα, Ε. "Στοιχεία ελληνικής προέλευσης στο μυθολογικό λεξιλόγιο των σλαβικών χωρών των Βαλκανίων". *Kafedra vizantiiskoi i novogrecheskoi filologii*, no. 11, 2022, pp. 19–34. (In Greek)

Информация об авторах:

Светлана Климентьевна Севастьянова — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт филологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Николаева, д. 8, 630090 г. Новосибирск, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

Полина Александровна Рылик — кандидат филологических наук, научный сотрудник, Афинский национальный университет имени Каподистрии, Афины, Греческая Республика (Zographou, 157 84, Greece).

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6967-5581>

E-mail: rylikpa@gmail.com

Альберт Григорьевич Бондач — специалист 1-й категории отдела научно-справочного аппарата, Российский государственный архив древних актов, ул. Большая Пироговская, д. 17, 119435 г. Москва, Россия; старший научный сотрудник Музея книги (НИО редких книг), Российская государственная библиотека, ул. Воздвиженка, д. 3/5, 119019 г. Москва, Россия; старший преподаватель кафедры древних и новых языков Сретенской духовной академии, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3, 107031 г. Москва, Россия.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0489-6759>

E-mail: bondatch@mail.ru

Information about the authors:

Svetlana K. Sevastyanova, DSc in Philology, Associate Professor, Leading Research Fellow, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Nikolaeva St., 8, 630090 Novosibirsk, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-9131-3285>

E-mail: sevask@mail.ru

Polina A. Rylik, PhD in Philology, Researcher, National and Kapodistrian University of Athens, School of Philosophy, Department of Russian Language and Literature and Slavic Studies, University Campus, 157 84 Zographou, Greece.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6967-5581>

E-mail: rylikpa@gmail.com

Albert G. Bondach, 1st Category Specialist, Department of Scientific and Reference Apparatus, Russian State Archive of Ancient Acts, Bolshaya Pirogovskaya St., 17, 119435 Moscow, Russia; Senior Researcher, Museum of Books, Russian State Library, Vozdvizhenka St., 3/5, 119019 Moscow, Russia; Senior Lecturer at the Department of Ancient and Modern Languages, Sretensky Theological Academy, Bolshaya Lubyanka St., 19, 107031 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0489-6759>

E-mail: bondatch@mail.ru

Для цитирования: Севастьянова С.К., Рылик П.А., Бондач А.Г. Портрет патриарха Никона в Книге о Соборе Газского митрополита Паисия Лигарида // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 23 / Ин-т мировой литературы РАН; гл. ред. О.А. Туфанова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 29–72. <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-29-72>

© 2024, С.К. Севастьянова,

П.А. Рылик, А.Г. Бондач

For citation: Sevastyanova, S.K., Rylik, P.A., Bondach, A.G. “Portrait of Patriarch Nikon in the *Synod’s History* by Metropolitan Paisius Ligarides of Gaza.” *Germenevtika drevnerusskoi literatury* [*Hermeneutics of Old Russian Literature*]. Issue 23. Ed.-in-chief O.A. Tufanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 29–72. (In Russian) <https://doi.org/10.22455/HORL.1607-6192-2024-23-29-72>

© 2024, Svetlana K. Sevastyanova,

Polina A. Rylik, Albert G. Bondach